

Игорь Зимин

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО
ИМПЕРАТОРСКОГО
ДВОРА

ДЕТСКИЙ МИР
ИМПЕРАТОРСКИХ РЕЗИДЕНЦИЙ

Быт монархов и их окружение

Игорь Викторович Зимин
Детский мир императорских
резиденций. Быт
монархов и их окружение
Серия «Повседневная
жизнь Российского
императорского двора», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=645445

Повседневная жизнь Российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение.:

Центрполиграф; Москва; 2010

ISBN 978-5-227-02410-7

Аннотация

Книга – тематическое продолжение исследования доктора исторических наук, профессора И.В. Зимина «Повседневная жизнь императорского двора. Взрослый мир императорских резиденций». В этом издании обстоятельно рассказывается о воспитании детей в царской семье, о повседневном окружении монархов – статс-дамах, фрейлинах, камердинерах и челяди, о бытовых условиях жизни монархов. Множество малоизвестных

сведений, несомненно, будут интересны любознательным читателям.

Содержание

Рождение детей в императорской семье	5
Рождение детей в семье Николая II	15
Рождение цесаревича Алексея	41
Крещение детей	55
Воспитание высокородных детей	71
Кормилицы и педиатры при императорской семье	72
Няни и воспитательницы	95
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Игорь Викторович Зимин
Детский мир
императорских
резиденций. Быт
монархов и их окружение

*Рождение детей в
императорской семье*

Рождение детей – это радость, а в императорской семье – радость двойная, особенно если на свет появлялся мальчик, поскольку мальчики обеспечивали «устойчивость» пра-

влящей династии. Это было важно для правящего императора и наследника-цесаревича. В целом, со времени Павла I, имевшего четырех сыновей, «проблема наследника» на протяжении всего XIX в. не являлась актуальной для императорской семьи. Всегда имелся «запас» по прямой нисходящей линии, позволявшей безболезненно для страны замещать «выбывавших» по разным причинам императоров или цесаревичей.

Все русские императрицы рожали дома, то есть в тех императорских резиденциях, в которых они оказывались на момент родов. Ни одна из особ Императорской фамилии не рожала в специализированных клиниках, которые в XIX в. уже существовали. Даже когда в 1904 г. на Васильевском острове лейб-акушер Д.О. Отт открыл роскошную акушерскую клинику, ни одна из особ Императорской фамилии ею так и не воспользовалась. Рожали по традиции дома, приспособивая одну из комнат под родильную палату.

Цесаревны и императрицы, несмотря на надвигавшиеся роды, неуклонно соблюдали «график» переездов из резиденции в резиденцию вне зависимости от сроков беременности. При этом лейб-акушер неотступно следовал за беременной особой Императорской фамилии. Рожала она в той резиденции, в которой начинались схватки. Николай II родился в мае 1868 г. в правом крыле первого этажа Александровского дворца Царского Села, куда, следуя традиции, царская семья только-только переехала на лето. Из пяти детей Николая II

одна дочь родилась в Александровском дворце Царского Села, а три дочери и сын – в Нижнем (Новом) дворце в Петергофе. Для лейб-акушера Д.О. Отта поблизости от Нижнего дворца, в котором жила семья Николая II в Петергофе, во Фрейлинском доме выделили двухкомнатную квартиру, где он и жил, ожидая наступления очередных родов императрицы.

Как правило, при родах или в непосредственной близости от родильной комнаты присутствовали все родственники, которые оказывались поблизости. А муж буквально держал рожавшую жену за руку, находясь в «родильной палате». Эта традиция восходила еще к временам Средневековья. По древней европейской традиции, высшая аристократия имела право присутствовать при родах королевы, непосредственно удостоверяясь в «истинности» и родов, и наследника, их будущего властителя. Поэтому присутствие императора или цесаревича рядом с рожавшей женой преследовало цель не только поддержать жену, но и соблюсти давнюю традицию.

О рождении ребенка в императорской семье подданным сообщали изданием соответствующего «Манифеста», который «встраивал» родившегося ребенка в фамильную иерархию Романовых, официально провозглашая младенца «Высочеством». Когда у Николая I в 1827 г. родился второй сын, то в «Манифесте» сообщалось: «Объявляем всем верным Нашим подданным, что в 9 день сего сентября любезнейшая Наша Супруга, Государыня Императрица Александра Федо-

ровна разрешилась от бремени, рождением Нам Сына, нареченного Константином...»¹.

Кроме этого о рождении царственного младенца подданные узнавали по артиллерийским залпам орудий Петропавловской крепости. Количество залпов уведомляло о поле младенца. 101 залп означал рождение девочки, а 301 – мальчика.

Вся дворцовая прислуга, находившаяся на дежурстве в день рождения ребенка, обязательно получала памятные ценные подарки². Следует добавить, что подданных информировали не только о рождении ребенка, но и о наступлении беременности у императрицы. Такие объявления печатались в разделе официальной хроники «Правительственного вестника».

Отдельным манифестом подданные извещались о новых высокотожественных датах в имперском календаре.

В манифесте от 1 марта 1845 г. указывалось, что «рождение любезнейшего Внука Нашего Великого Князя Александра Александровича (будущего Александра III. – И. 3.) повелеваем праздновать в 26 день февраля, а тезоименитство в 30 день августа»³.

При родах цесаревны или императрицы в обязательном порядке присутствовал министр Императорского двора. Опять-таки с целью гарантировать «истинность» факта рождения ребенка. Однако в XIX в. этого требования уже

не придерживались буквально, но министр Двора при родах находился «за дверью» комнаты, в которой рожала императрица или цесаревна, и у него в обязательном порядке было заготовлено *пять вариантов* манифеста, в котором официально объявлялось о рождении ребенка. Царь сам выносил министру Двора новорожденного и сам вписывал в указ заранее выбранное имя⁴. Когда императрица Александра Федоровна готовилась рожать первого ребенка в 1895 г., то, согласно принятой процедуре, в недрах канцелярии Министерства Императорского двора было заранее заготовлено *пять проектов* правительственного указа о рождении ребенка. Эти проекты предусматривали *все возможные варианты*: 1) рождение сына; 2) рождение дочери; 3) двойня из двух сыновей; 4) двойня из двух дочерей; 5) двойня из сына и дочери.

В проекте пропускалось только имя ребенка и не указывался день его рождения. Проект указа на рождение сына формулировался следующим образом: «В день сего... Любезная Супруга Наша Государыня Императрица Александра Федоровна благополучно разрешилась от бремени рождением Нам сына, нареченного...»⁵.

Начиная с Павла I, императорские и великокняжеские семьи были многодетными. Ни о каком ограничении рождаемости речи не шло. Императрицы, цесаревны и великие княгини рожали сколько «бог давал». В семье Павла I императрица Мария Федоровна родила *четырёх сыновей и шесте-*

цей Александрой Федоровной, было *семеро детей* – *четыре сына и три дочери*. Первый ребенок родился в 1818 г. (будущий Александр II), последний (великий князь Михаил Николаевич) – в 1832 г.

В семье Александра II и императрицы Марии Александровны, несмотря на слабое здоровье императрицы, за 18 лет родилось *восемь детей* – *две дочери и шестеро сыновей*. Первый ребенок (великая княгиня Александра Александровна) родился в 1842 г., последний (великий князь Павел Александрович) – в 1860 г.

В семье Александра III и императрицы Марии Федоровны также родилось *шестеро детей*, из них один ребенок в годовалом возрасте умер. Осталось в семье *три сына и две дочери*, Первый ребенок (Николай II) родился в 1868 г., последний (великая княгиня Ольга Александровна) – в 1882 г., т. е. за 14 лет родилось шестеро детей.

Романовы	Прожили в супружестве	Год рождения детей	Годы жизни умерших детей
Александр I и Елизавета Алексеевна	1793–1825, 32 года		Мария 1799–1800 Елизавета 1806–1808
Николай I и Александра Федоровна	1817–1855, 38 лет	1818 – Александр II 1819 – Мария Николаевна 1822 – Ольга Николаевна 1827 – Константин Николаевич 1831 – Николай Николаевич 1832 – Михаил Николаевич	Александра 1825–1844
Александр II и Мария Александровна	1841–1880, 39 лет	1845 – Александр Александрович 1847 – Владимир Александрович 1850 – Алексей Александрович 1853 – Мария Александровна 1857 – Сергей Александрович 1860 – Павел Александрович	Александра 1842–1849 Николай 1843–1865
Александр III и Мария Федоровна	1866–1894, 28 лет	1868 – Николай Александрович 1875 – Ксения Александровна 1878 – Михаил Александрович 1882 – Ольга Александровна	Александр 1870–1871 Георгий 1871–1899
Николай II и Александра Федоровна	1894–1918, 24 года	1895 – Ольга 1897 – Татьяна 1899 – Мария 1901 – Анастасия 1904 – Алексей	Расстреляны с родителями в июле 1918 г. в Екатеринбурге

В семье Николая II и императрицы Александры Федоровны с 1895 по 1904 г. родилось пятеро детей. Для Николая II проблема наследника обернулась серьезными политическими последствиями – многочисленные родственники мужского пола, из младших ветвей дома Романовых, были готовы с огромным желанием унаследовать трон, что, естественно, совершенно не устраивало ни Николая II, ни Александру Федоровну.

Таким образом, рождение сыновей в императорской семье имело не только характер обычной человеческой радости, но и становилось событием большого политического значения, создавая запас прочности правящей династии.

В 1817 г. бездетный император Александр I сообщил своему младшему брату Николаю Павловичу, что намерен передать трон ему. Об этом решении стало известно только братьям: великому князю Константину Павловичу и великому князю Николаю Павловичу. Позднее это решение оформили юридически. Поэтому, когда в 1818 г. в Москве родился Александр Николаевич, в семье его воспринимали уже как будущего наследника трона. При новом политическом раскладе Николай Павлович был заинтересован в рождении сыновей, и когда в августе 1819 г. его жена Александра Федоровна родила второго ребенка, великую княжну Марию Николаевну, он воспринял «не с особенной радостью: он ожидал сына; впоследствии он часто упрекал себя за это...»⁶. Однако позже Бог дал ему сыновей, потомство которых, в свою очередь, упрочило династический фундамент российского Императорского дома.

Рождение детей в семье Николая II

Проблема престолонаследия во все времена во множестве стран тесно переплеталась с закулисными интригами. Особенно остро с ней столкнулась семья последнего русского императора Николая II. Главной династической задачей любой императрицы является рождение наследника престола. Поэтому любое недомогание молодой женщины списывалось на ожидаемую всеми беременность. Достаточно характерно звучит фраза, записанная в дневнике великого князя Константина Константиновича в декабре 1894 г., менее чем через три недели после бракосочетания Николая и Александры, но более чем через полгода после помолвки в Кобурге: «Молодой императрице опять сделалось дурно в церкви. Если это происходит от причины, желанной всей Россией, то слава Богу!»⁷.

Д.О. Омм

Акушер Дмитрий Оскарович Отт был крупнейшим специалистом-гинекологом своего времени. Еще в 1893 г. он был назначен директором Императорского клинического повивального института. Впервые Николай II упоминает профессора Отта в своем дневнике 26 сентября 1895 г. За месяц до рождения первенца в императорской семье лейб-акушер лично приехал в Зимний дворец. Об этом Николай записал в дневнике: «Отт и Гюнст приехали осмотреть мою душку!» Через день он вновь упомянул, что «Отт и Гюнст довольны». Вскоре пришло время рожать, и в дневнике Николая II упоминается, что схватки продолжались почти сутки – с часа ночи и до позднего вечера. Только в 9 часов вечера 3 ноября 1895 г. императрица родила девочку, которую родители назвали Ольгой. Все это время рядом с ней находился профессор Отт и акушерка Евгения Конрадовна Гюнст.

Первые роды императрицы Александры Федоровны были тяжелыми. Хотя их готовились принимать в Зимнем дворце, рожала императрица в Александровском дворце Царского Села. Как упоминала младшая сестра царя, великая княгиня Ксения Александровна, младенца «тащили щипцами». Крестили Ольгу 14 ноября 1895 г. в Большой церкви Екатерининского дворца в Царском Селе. Только спустя полтора месяца после родов царская семья перебралась с маленькой дочерью в Зимний дворец.

Патологические роды, видимо, обуславливались как слабым здоровьем императрицы, которой на момент родов было

23 года, так и тем, что с юношеского возраста она страдала крестцово-поясничными болями. Боли в ногах преследовали ее всю жизнь. Поэтому домочадцы часто видели императрицу в инвалидной коляске. Однако она вопреки традициям сама начала с 5 ноября кормить дочь, чем очень гордился царь. Через несколько недель царь вновь упомянул среди врачей, которые находились во дворце при купании ребенка, Д.О. Отта. Старшая сестра императрицы, Елизавета Федоровна, писала в письме к королеве Виктории, что уход во время родов был «прекрасный». Последний раз Николай II упомянул имя Д.О. Отта 30 ноября – «присутствовал при ванне дочки. Отт тоже был там; теперь он приезжает редко». Акушерка Е.К. Гюнст простилась с царской семьей 20 декабря, пробыв в Зимнем дворце три месяца.

Успешные первые роды императрицы положили начало придворной карьере Д.О. Отта, продолжавшейся вплоть до февраля 1917 г. Именным высочайшим указом от 4 ноября 1895 г. на имя министра Императорского двора Д.О. Отт был «всемилоостивейше пожалован в лейб-акушеры Двора Его Императорского Величества с оставлением в занимаемых должностях и званиях». В формулярном списке Д.О. Отта на 1 декабря 1895 г. были зафиксированы эти должности и звания: «Директор Повивального института, лейб-акушер, консультант и почетный профессор по женским болезням при Клиническом институте Великой княгини Елены Павловны, доктор медицины, действительный статский

советник». Можно добавить, что на основании «Положения» Придворной медицинской части Министерства Императорского двора звание лейб-медика «производилось вне всяких правил по усмотрению Их Величеств».

После тяжелых родов императрица встает «на ноги» только 18 ноября 1895 г. и садится в инвалидное кресло: «Сидел у Алике, которая каталась в подвижном кресле и даже побывала у меня»⁸. Видимо, уже первые роды неблагоприятно сказались на ее слабом здоровье, и поэтому вновь возобновлены общеукрепляющие процедуры. Царь записал в дневнике 28 ноября 1895 г.: «Алике опять купалась – теперь она будет по-прежнему принимать ежедневно соляные ванны»⁹.

Слабое здоровье императрицы¹⁰ и рождение девочки сразу же повлекло за собой различные слухи. Даже старшая сестра Александры Федоровны, великая княгиня Елизавета Федоровна, в письме к королеве Виктории сочла нужным упомянуть, что «вы знаете об ужасных слухах, которые неизвестно кто распускает, будто Алике опасно больна и не может иметь детей и что нужны операции».

Вновь императрица родила менее чем через два года. В письме к матери в январе 1897 г. Николай II сообщал, что «вчера Алике решительно почувствовала движение – прыжки и толчки»¹¹. Эта беременность тоже оказалась не простой. Видимо, на ранних сроках беременности медики опасались выкидыша, поскольку в документах глухо упомина-

ется, что императрица встала с постели только 22 января 1897 г., пролежав, не вставая, семь недель. Все это время рядом с ней был лейб-акушер Д.О. Отт. В тех же документах упоминается, что он сам катал в коляске императрицу по саду рядом с Зимним дворцом. Угроза выкидыша подтверждается и упоминанием Николая II в письме к матери о том, что «мы более чем осторожны при движении и при всякой перемене положения на диване»¹². Тем не менее буквально накануне родов, по традиции, царская семья переехала на лето в Александровский дворец Царского Села, где 29 мая 1897 г. родилась Татьяна. В этот день великий князь Константин Константинович записал в дневнике: «Утром Бог дал Их Величествам... дочь. Известие быстро распространилось, и все были разочарованы, т. к. ждали сына»¹³.

В ноябре 1898 г. выяснилось, что императрица беременна в третий раз. Как и при первых родах, она немедленно усаживается в свою коляску, так как не могла ходить из-за боли в ногах и ездила по залам Зимнего дворца «в креслах». 14 июня 1899 г. в Петергофе родилась третья дочь – Мария.

Черода дочерей в царской семье вызывала устойчивое настроение разочарования в обществе. В 1913 г. кадет Обнинский писал: «Свет встречал бедных малюток хохотом... Оба родителя становились, суеверны... и когда умер чахоточный Георгий, у нового наследника, был отнят традиционный титул «цесаревича» из суеверной боязни, как говорили,

что титул этот мешает появлению на свет мальчика»¹⁴. Граф В.Э. Шуленбург, служивший в лейб-гвардии Уланском полку, вспоминал, что рождение Ольги было встречено «со злорадством», а после рождения других великих княжон среди офицеров начались бесчисленные «недостойные остроты и обвинения»¹⁵.

Даже ближайшие родственники царя в своих дневниках неоднократно отмечали, что известие о рождении очередной дочери вызывало вздох разочарования по всей стране. Ксения Александровна, младшая сестра Николая II, записала в дневнике еще в ноябре 1895 г.: «Рождение дочери Ники и Алике – большое счастье, хотя жалко, что не сын»¹⁶. Сестра императрицы Елизавета Федоровна писала английской королеве Виктории: «Радость огромная и разочарование, что это девочка, меркнет от сознания, что все хорошо»¹⁷. Что характерно, такие записи появились в интимной переписке царских родственников уже при рождении первой дочери царской четы – Ольги Николаевны.

Начало четвертой беременности придворные медики подтвердили осенью 1900 г. Ожидание стало нестерпимым. В дневнике великого князя Константина Константиновича записано: «Она очень похорошела... все поэтому трепетно надеются, что на этот раз будет сын»¹⁸. В июне 1901 г. акушерка императрицы Е.К. Гюнст «ошибочно предположила» наступление преждевременных родов¹⁹ и поэтому экстрен-

но вызвали из своего имения в Курской области профессора Попова. Его трижды приглашали для осмотра императрицы в Новый Петергоф²⁰. Приглашение нового акушера косвенно свидетельствовало о том, что у императрицы к этому времени отношения с лейб-акушером Д.О. Оттом изменились. Дело в том, что императрица терпела около себя только тех медиков, которые подтверждали ее собственные диагнозы. 5 июня 1901 г. в Петергофе родилась четвертая дочь царя – Анастасия.

После рождения четвертой дочери сдержанные вначале интонации недовольства прорываются. В июне 1901 г. в дневнике Ксении Александровны появляется запись: «Алике чувствует себя отлично – но, Боже мой! Какое разочарование!.. 4-я девочка!»²¹ Дядя императора, знаменитый «К. Р.» – великий князь Константин Константинович – записал тогда же в дневнике: «Прости, Господи! Все вместо радости почувствовали разочарование, так ждали наследника и вот – четвертая дочь»²².

Разочарование было общим. Сама Александра Федоровна впала в отчаяние. Отсутствие прямого наследника у царя оживило «проект» осени 1900 г., когда прорабатывались юридические возможности передачи власти в обход существующих законов старшей дочери царя – Ольге Николаевне. А. В. Богданович записала в дневнике 9 июля 1901 г.: «Мясоедов-Иванов говорил, что Витте с Сольским прово-

дят мысль об изменении престолонаследия, чтобы сделать наследницей дочь царя Ольгу»²³. И поэтому неслучайно, что именно в 1901 г. около трона начинает появляться череда шарлатанов, которые обещали помочь царской семье решить эту деликатную проблему.

К 1901 г. в семье Николая II родились четыре девочки подряд, подобное уже бывало в семье Романовых. Жена Павла I, подряд родила пятерых дочерей, но перед этим у нее родилось два мальчика – Александр и Константин Павловичи.

День рождения	Место рождения	Имя	Рост, см	Вес, фунтов
3 (15) ноября 1895 г.	Царское Село. Александровский дворец	Ольга	55	10
20 мая (10 июня) 1897 г.	Петергоф. Нижний дворец	Татьяна	54	9
14 (26) июня 1899 г.	Петергоф. Нижний дворец	Мария	54	10
5 (18) июня 1901 г.	Петергоф. Нижний дворец	Анастасия	55	11,5

Проблема наследника

Отсутствие прямого наследника у императорской четы волновало не только придворные круги. После рождения третьей дочери, начиная с 1899 г., в Министерство Императорского двора начинают поступать письма из различных

стран: Англии, Франции, Бельгии, США, Латинской Америки и Японии с предложениями сообщить секрет, гарантирующий рождение наследника.

Советы были не бескорыстны. Суммы назывались разные, в некоторых письмах в несколько десятков тысяч долларов. Примечательно, что российские поданные давали советы своему царю «даром». Но при этом советы иностранцев, как правило, основывались на известной в то время теории австрийского эмбриолога профессора Венского университета Шенка. Он опубликовал целый ряд исследований по развитию яйца и органов чувств у низших позвоночных и стал известен своими опытами по определению пола зародыша у млекопитающих и человека при помощи соответствующего кормления родителей²⁴.

Советы российских подданных выглядели попроще. Среди авторов были люди самого различного общественного положения: командир 2-й роты 8-го понтонного батальона Адам-Генрих Гласко из Тирасполя, отставной подполковник Ф.Ф. Лихачев из Могилевской губернии, помощник для ведения судебных дел из Владивостока И.В. Мясников, контролер-механик службы телеграфа Л. Зандман из Омска, таганрогский мещанин И.В. Ткаченко, жена генерал-лейтенанта Энгельгардта, мещанин Давид Сацевич из Ковенского уезда, земский фельдшер Н. Любский из Новгородской губернии и многие другие.

Для того чтобы представить содержание этих «простых»

советов, обратимся к одному из них, написанному относительно сведущим в медицине человеком, фельдшером Н. Любским: «Можно предсказать, какого пола отделяется яйцо у женщины в данную менструацию и, следовательно, можно иметь ребенка желаемого пола. Таковую строгую последовательность в выделении яичек у женщин я осмеливаюсь назвать законом природы»²⁵. Давались и такие: «попросите Государя, Вашего Супруга, лечь с левой стороны или, иначе сказать, к левому боку Вашего Величества, и надеюсь, что не пройдет и года, как вся Россия возликует появлением желанного наследника»²⁶.

Вследствие обильного потока подобных писем (архивное дело насчитывает более 260 листов) сложился определенный порядок работы с ними. Заведующий Канцелярией Министерства Императорского двора полковник А.А. Мосолов писал: «что по установленному в Министерстве Императорского Двора порядку письма и ходатайства, заключающие в себе подобного рода советы, оставляются без ответа и без дальнейшего движения»²⁷. Однако, как следует из этого же дела, некоторые письма все же принимались во внимание. В письме от 28 апреля 1905 г. крестьянин Тульской губернии деревни Хотунки Д.А. Кирюшкин пишет В.Б. Фредериксу о том, что «в 1902 г., 7 января я имел счастье быть во дворце у Вашего Высокопревосходительства по поводу рождения наследника престола. Я ходатайствовал перед Вашим

Высокопревосходительством о допущении меня и доклада Его Императорскому Величеству Всемилоштивейшему Государю Императору». В 1907 г. он вновь письмом напомнил о себе: «Я был во вверенном Вам дворце, для объяснения, почему рождаются мальчики и девочки»²⁸. Крестьянин напористо требовал от министра Двора гонорара, поскольку рождение цесаревича Алексея он связывал со своими советами.

Таким образом, особенности внутривполитической ситуации, отношения в Императорской фамилии, особенности характера императрицы Александры Федоровны подготовили появление при Дворе французского шарлатана Филиппа. Об истории его появления при русском Дворе подробно пишет в «Воспоминаниях» С.Ю. Витте. По его словам, с Филиппом познакомилась за границей жена великого князя Петра Николаевича, Милица – «черногорка № 1», через нее Филипп «влез» к их великим князьям Николаевичам и затем к Их Величествам²⁹.

Дело в том, что Филипп вылечил сына Милицы – Романа. Витте упоминал, что черногорки ходатайствовали о том, чтобы Филиппу разрешили медицинскую практику в России и выдали ему медицинский диплом. Пожалуй, это единственный случай в истории присуждения ученых степеней в России, когда «вопреки всем законам при военном министре Куропаткине ему дали доктора медицины от Петербургской Военно-медицинской академии и чин действительного статского советника. Все это без всяких оглашений. Святой Фи-

липп пошел к военному портному и заказал себе военно-медицинскую форму»³⁰.

При этом надо заметить, что информация об экстрасенсе поступала во дворец из различных источников. Заведующий парижской и женеvской агентурой П. И. Рачковский по просьбе дворцового коменданта П.П. Гессе собрал на Филиппа досье, где представил его шарлатаном. Но вера императорской семьи в Филиппа оказалась столь сильна, что руководителя заграничной агентуры Департамента полиции с 1882 г. немедленно отстранили от должности в 1902 г.

Великий князь Александр Михайлович в «Воспоминаниях» писал, что «французский посланник предостерегал русское правительство против этого вкрадчивого иностранца, но Царь и Царица придерживались другого мнения... Он утверждал, что обладает силой внушения, которая может оказывать влияние на пол развивающегося в утробе матери ребенка. Он не прописывал никаких лекарств, которые могли бы быть проверены придворными медиками. Секрет его искусства заключался в серии гипнотических сеансов. После двух месяцев лечения он объявил, что Императрица находится в ожидании ребенка»³¹.

Пятая беременность Александры Федоровны началась в ноябре 1901 г. Поскольку эту беременность царская чета связывала исключительно с загадочными «пассами» Филиппа, то ее скрывали даже от ближайших родственников. Сестра Николая II Ксения Александровна только в апреле 1902 г.

узнала от императрицы о ее беременности. В своем письме к ней Александра Федоровна писала: «Сейчас это уже трудно скрыть. Не пиши Матушке, так как я хочу сказать ей, когда она вернется на будущей неделе. Я так хорошо себя чувствую, слава Богу, в августе!»³².

По рекомендации Филиппа императрица не допускала к себе медиков вплоть до августа 1902 г. К весне все заметили, что она сильно потолстела и перестала носить корсет. О ее беременности было объявлено официально. Как писал Витте: «Императрица перестала ходить, все время лежала. Лейб-акушер Отт со своими ассистентами переселился в Петергоф, ожидая с часу на час это событие. Между тем роды не наступали. Тогда профессор Отт начал уговаривать Императрицу и Государя, чтобы ему позволили исследовать Императрицу. Императрица по понятным причинам вообще не давала себя исследовать до родов. Наконец она согласилась. Отт исследовал и объявил, что Императрица не беременна и не была беременна, что затем в соответствующей форме было объявлено России»³³.

Это известие обрушилось страшным ударом на психику Александры Федоровны. Ребенка, которого она вынашивала с ноября 1901 г. просто не было. Это было потрясением для всех. Новость моментально стала известна среди аристократического бомонда. Ксения Александровна в письме от 19 августа 1902 г. к княгине А.А. Оболенской, ближайшей фрейлине и подруге императрицы

Марии Федоровны, писала: «Мы все ходим, как в воду опущенные со вчерашнего дня... бедная А.Ф. оказалась во-все не беременна – 9 месяцев у нее ничего не было и вдруг пришло, но совершенно нормально, без болей. Третьего дня Отт ее видел в первый раз и констатировал, что беременности никакой нет, но, к счастью, внутри все хорошо. Он говорит, что такие случаи бывают и что это происходит вследствие малокровия»³⁴. Великий князь Константин Константинович записал в своем дневнике 20 августа 1902 г.: «С 8 августа ежедневно ждали разрешения от бремени Императрицы... Алике очень плакала. Когда, наконец, допущенные к ней доктор Отт и Гюнст определили, что беременности нет, но и не существовало»³⁵.

Кроме этого, надо было внятно объяснить всей стране, куда делся ребенок императрицы. Из этой щекотливой ситуации надо было как-то выходить. Поэтому в официальном «Правительственном вестнике» 21 августа 1902 г. было опубликовано сообщение: «Несколько месяцев назад в состоянии здоровья Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны произошли перемены, указывающие на беременность. В настоящее время, благодаря отклонению от нормального течения, прекратившаяся беременность окончилась выкидышем, совершившемся без всяких осложнений при нормальной температуре и пульсе. Лейб-акушер Д.О. Отт. Лейб-хирург Гирш. Петергоф 20 августа 1902 г.». 27 августа 1902 г. последовал еще один бюллетень,

в котором сообщалось, что Ее Величество «находится на пути к полному выздоровлению».

Это событие породило в народе множество слухов о том, что царица родила «неведому зверушку». Государственный секретарь А.А. Половцев в августе 1902 г. писал: «Во всех классах населения распространились самые нелепые слухи, как например, что императрица родила урода с рогами»³⁶. Он называл произошедшее «постыдным приключением императрицыных лжеродов». В аристократической среде эта информация также вызвала самые различные толки. Да и власть давала для критики серьезные основания. В Нижнем Новгороде полиция конфисковала календарь, на первом листе которого была изображена особа женского пола, несущая в корзине четырех маленьких поросятков. После «выкидыша» полиция приказала исключить из оперы «Царь Салтан» слова: «Родила царица в ночь не то сына, не то дочь, не собачку, не лягушку, так – неведому зверушку»³⁷.

В августе 1902 г. великий князь Константин Константинович записал в дневнике: «Вчера за подписями лейб-акушера Дм. Отта и лейб-хирурга Гирша объявлен в газетах бюллетень... Текст бюллетеня критикуют, особенно слово «благодаря»»³⁸. В результате этой в общем-то трагической для царской семьи истории за императрицей окончательно закрепляется диагноз истерички. Великий князь Александр Михайлович писал об «остром нервном расстройстве»³⁹, С.Ю.

Витте называет ее «ненормальной истеричной особой»⁴⁰.

Однако назвать произошедшее выкидышем, наверное, нельзя, так как царица выносила положенное время, не было это и ложной беременностью. Объективная медицинская информация содержится в архивном деле Кабинета Его Императорского Величества Николая II: «Объяснения лейб-медика акушера Гирша о причинах ложной беременности Александры Федоровны». На конверте стоит гриф «совершенно секретно» и «Высочайше поведено хранить не распечатываемая в Кабинете Его Величества». Поскольку об этом эпизоде упоминается во многих мемуарах и эти события во многом объясняют особенности характера императрицы, мы позволим привести обширные цитаты из этого, ранее не публиковавшегося документа: «Ея Величество последний раз имела месячные крови на первый день ноября месяца. С этого времени крови больше не появлялись, что заставило Ея Величество считать себя беременной с этого времени, ожидая разрешения в первых числах августа, т. е. к нормальному сроку беременности. Хотя в этот раз беременность по своему течению и отличалась от предыдущих незначительным размером живота, тем не менее, чувствуя Себя вполне хорошо и не испытывая никаких болевых или неприятных ощущений, Ея Величество считала, что беременность протекает правильно и не находила поэтому нужным обращаться за врачебным советом до ожидаемого разрешения от бремени. Между тем установленный срок прошел и к тому же 16 августа с утра

показалось кровотечение, по своему количеству и характеру появления не отличавшегося от обычных месячных очищений (незначительное кровоотделение было, впрочем, отмечено Ея Величеством еще в июле месяце).

Указанные выше обстоятельства побудили Ея Величество обратиться за медицинским советом к состоящему при Ея Величестве Лейб-акушеру профессору Отт, который, будучи приглашен к Ея Величеству около 10 часов утра 16 августа, осмотрел Ее Величество в присутствии повивальной бабки Гюнст и установил, что на основании данного исследования исключаются всякая мысль о беременности, и не только в конечном ее сроке, но и вообще в такой стадии развития, которая признается акушерской наукой поддающейся распознаванию. К такому заключению давало право весь комплекс объективных исследований и в особенности почти не измененный противу нормы размер самой матки.

В течение последующих дней: 17-го, 18-го, 19-го августа кровотечения Ея Величества продолжались в очень умеренной степени, причем к вечеру 19-го числа Ея Величество почувствовала боли по характеру, напоминавшие собою родовые схватки, которые к утру следующего дня утихли, причем во время утреннего туалета обнаружено было произвольно вывалившееся из половых органов мясистое образование величиной с грецкий орех, сферически – продолговатой слегка сплюснутой формы и с относительно гладкой поверхностью. По внешнему виду описанное образование (что подтвержде-

но и микроскопическим исследованием) можно принять за отмершее плодовое яйцо не более 4-недельного развития. По вскрытии разрезом выделенного яйца в его полости ясных признаков зародыша обнаружить не удалось, водная и ворсистая оболочка достаточно хорошо выражена; последняя сильно утолщена и в одном отделе пропитана кровоизлиянием. Все яйцо носит признаки мацерации и некоторой отечности, представляя собой так называемый Мясистый закос (*Mole carnosum*). Выделившееся яйцо, вскрытое профессором Оттом, показано было лейб-хирургу Гиршу и госпоже Гюнст.

На основании всего вышеизложенного следует признать, что задержка в месячных кровях у Ея Величества была обусловлена произошедшим зачатием, причем беременность прекратилась в ранней стадии развития плодового яйца, а обмершее яйцо в качестве так называемого «запаса» оставалось в полости матки вплоть до его выделения из нея, произошедшее лишь 20 августа.

Помимо указанного нахождения в полости матки обмершего яйца на продолжительную задержку месячных отделений не могло не повлиять малокровие и связанное с ним нарушение обмена веществ в организме Ея Величества.

Петергоф августа 26 дня 1902 г. Лейб-акушер Двора Его Императорского Величества, профессор Дм. Отт. Лейб-хирург, Его Величества Доктор Медицины Гирш»⁴¹.

Этот документ находился на особом режиме хранения в

архиве Министерства Императорского двора. Министр двора Фредерике, учитывая щекотливый характер «заболевания», предложил царю несколько вариантов хранения документации, связанной с событиями лета 1902 г. Николай II выбрал самый «закрытый» вариант, по которому все медицинские материалы должны были хранить в особом пакете, «не вскрывая»⁴².

Об этом эпизоде упоминала также великая княгиня Ксения Александровна в письме от 20 августа 1902 г.: «Сегодня утром у А.Ф. произошел маленький выкидыш (если только можно это назвать выкидышем!), т. е. просто вышло крошечное яйцо! Вчера вечером у нее были боли и ночью тоже, а утром все кончилось, когда эта история вышла! Теперь, наконец, можно будет объявить об этом и завтра в газетах появится бюллетень – с сообщением о том, что произошло. Наконец, найден единственный выход из этого грустного случая»⁴³.

В 1928 г. сам Д.О. Отт рассказывал об этой истории следующее: «Это была пятая беременность императрицы. Императрица переходила на два месяца тот срок, в который она, по ее расчетам, должна была родить. Чувствовала она себя хорошо, и я ее не осматривал, да и увидел я ее беременной впервые на седьмом месяце. Роды приближались, и меня пригласили жить в Петергофе. Поражал вид императрицы, фигура ничуть не изменилась, живот отсутствовал. Я ей указал на это и просил разрешения ее осмотреть. Она мне отве-

тила: «Bleiben sie ruhig, das kind ist dahinten» (Будьте спокойны, ребенок там). Образ жизни она вела малоподходящий, почти ежедневно часов в одиннадцать уезжала в Знаменку к великому князю Николаю Николаевичу и возвращалась часа в три ночи, но я не вмешивался. В один прекрасный день меня спешно зовут к императрице: она сидит взволнованная, на рубашке капли крови. Государь ходит по комнате, очень волнуется и просит ее осмотреть. Осмотр показал, что беременность была, но яйцо не развилось. Это то, что называется мясистый, или кровяной, закос. Благодаря кровотечению он вышел. Я объяснил, в чем дело. Государь просил меня спешно поехать к великому князю Владимиру Александровичу, где был весь двор на «целовании руки» по случаю бракосочетания Елены Владимировны, и поставить в известность министра Двора Фредерикса. Я это сделал. Фредерике спросил: «Quel est le mot d ordre?» (Какие распоряжения?). Я сказал, что не знаю. Фредерике просил меня написать бюллетень. Я написал так, что всякий между строк мог понять, о чем шла речь. На другой день меня вновь вызывают во дворец. Там меня ждут Фредерике и личный врач императрицы доктор Гирш, немец, и дают читать глупо составленную бумажку. Я говорю, что это никуда не годится, что я иначе писал. Мне говорят, что государь приказал, чтобы я подписал эту бумажку. Ну я и подписал. Так появилось то извещение, которое всем известно»⁴⁴.

Как мы видим, вся «беременность» императрицы патро-

нировалась «святым» Филиппом, который жил в имении великого князя Николая Николаевича Знаменка, и Александра Федоровна ежедневно его посещала. О Филиппе окружение царя знало очень немного, поскольку знакомство с ним не афишировалось. Великий князь Константин Константинович называл его в дневнике в августе 1901 г. «неким Филипповым, не то доктором, не то ученым, занимающимся прививкой и лечением различных болезней». Но спустя несколько дней он с ним знакомится лично: «Мы пили чай у Милицы и увидели его. Это небольшого роста, черноволосый, с черными усами человек лет 50, очень невзрачной наружности, с дурным южнофранцузским выговором»⁴⁵.

В действительности Филипп Низье-Вашо, уроженец Лиона, окончил только три курса медицинского факультета Лионского университета. Обнаружив у себя способности экстраенса, он оставил университет и начал специализироваться на лечении нервных болезней. Особенно часто его клиентами были женщины, и, как правило, весьма состоятельные. На этом поприще он приобрел весьма широкую известность. Но поскольку у него не было медицинского диплома, то Филиппа неоднократно привлекали к уголовной ответственности за незаконную медицинскую практику. Со временем он сумел обойти это препятствие, взяв к себе в качестве «компаньона» дипломированного врача.

В дневнике Николая II и переписке императорской четы его называют «нашим дорогим Другом». О степени влияния

Филиппа на царя красноречиво говорит следующая запись в дневнике Николая II за июль 1902 г.: «Mr. Philippe говорил и поучал нас. Что за чудные часы!!!». Такой характер дневниковых записей царя довольно редок, так как Николай II отличался крайней скупостью на эмоции. Кроме этого, видимо, учитель вмешивался не только в личные дела царя. 22 июля 1902 г. императрица пишет царю, отбывавшему на яхте в Германию для встречи с императором Вильгельмом II: «Рядом с тобой будет наш дорогой друг, он поможет тебе отвечать на вопросы Вильгельма». Видимо, лето 1902 г., когда императорская чета ожидала появления на свет «чудесно» зачатого мальчика-наследника, было временем наибольшего влияния Филиппа. И вновь необходимо подчеркнуть, что это влияние начало принимать политический характер. Все это не могло не беспокоить ближайшее окружение царской семьи. О политической деятельности Филиппа упоминала также Н. Берберова в книге «Люди и ложи». Она писала: «В России оживилась деятельность «мартинистов» с помощью двух шарлатанов, Папюса и Филиппа»⁴⁶.

Среди окружения Николая II было достаточно широко известно, что царь легко соглашается с мнением последнего собеседника. Историк и политик П.Н. Милюков в «Воспоминаниях» даже пытался классифицировать эти влияния. В начале царствования на принятие решений влияли мать императора и его дядя, с 1901 г. начинается этап влияния «черногорок» и Филиппа, и «этот период ознаменовался столо-

верчением и переходом от Monsier Филиппа к собственным национальным юродивым, таким как фанатик Илиодор, идиотик Митя Козельский или – самый последний – сибирский «варнак» – Григорий Распутин, окончательно овладевший волей царя»⁴⁷. Об этом же пишет министр иностранных дел (1906–1910 гг.) А.П. Извольский: «Разве можно удивляться тому, что император мог попасть под влияние такого вульгарного проходимца, каким был известный Филипп, начавший свою карьеру в качестве мясника в Лионе, сделавшийся позже спиритом, гипнотизером и шарлатаном, который был осужден во Франции за различные мошенничества и кончил тем, что превратился в желанного гостя при русском Императорском дворе и сделался советником императрицы и императора не только по делам личного характера, но даже по делам большой государственной важности»⁴⁸. Все попытки ближайшего окружения царя (императрица Мария Федоровна, сестра царя Ксения, сестра императрицы Елизавета Федоровна) нейтрализовать влияние Филиппа были безуспешны. В этом контексте можно упомянуть, что, по мнению некоторых исследователей, издание С.А. Нилусом известных «Протоколов сионских мудрецов» связано с попытками императрицы Марии Федоровны, фрейлиной которой являлась Озерова (супруга С.А. Нилуса), дискредитировать представителя ложи мартинистов Филиппа⁴⁹.

Парадоксально, но и после замершей беременности импе-

ратрица не утратила в него веры. В конце 1902 г. Филипп объявил ей, что она родит сына, если обратится к покровительству Св. Серафима Саровского. После этого Филипп уехал во Францию, где умер в 1905 г.

Несмотря на возражения обер-прокурора Синода КП. Победоносцева, Серафима Саровского срочно канонизировали. В июле 1903 г. царская семья, следуя совету Филиппа, посетила Саровскую пустынь. После посещения села Дивеева (Саровской пустыни) императрица забеременела в шестой раз. Эта беременность закончилась благополучным рождением в июле 1904 г. цесаревича Алексея.

В переписке между царем и царицей за 1914–1916 гг. имя Филиппа неоднократно упоминалось с благоговением. Как позже вспоминала А.А. Вырубова: «Когда я только что ближе познакомилась с Ее Величеством, я была удивлена Ее мистическим рассказам про М. Philippe, который недавно умер». До конца жизни в царской семье бережно хранились, как святыни, подарки французского ясновидца. Вырубова упоминала: «У Их Величеств в спальне всегда стояла картонная рамка с засушенными цветами, данная им М. Philippe, которые, по его словам, были тронуты рукой самого Спасителя»⁵⁰.

Столь трепетное отношение к Филиппу объясняется тем, что Николай II и Александра Федоровна были абсолютно убеждены в том, что рождение цесаревича Алексея есть результат чудесного влияния экстрасенса. Об этом свидетель-

ствуует записка, написанная царем к одной из черногорок, Милице Николаевне, в день рождения долгожданного наследника: «Дорогая Милица! Не хватает слов, чтобы достаточно благодарить Господа за Его великую милость. Пожалуйста, передай каким-нибудь образом нашу благодарность и радость... Ему. Все случилось так скоро, что я до сих пор не понимаю, что произошло. Ребенок огромный, с черными волосами и голубыми глазами. Он наречен Алексеем. Господь со всеми вами. Ники»⁵¹. «Он» – это, безусловно, Филипп, и именно ему царь передавал «нашу благодарность и радость».

Таким образом, эпизод лета 1902 г. имел значительные политические последствия. Во-первых, подготовлена почва для появления нового «дорогого Друга». Во-вторых, царская семья созрела к различным «влияниям», замешанным на мистицизме. В-третьих, наметился разрыв царя, и особенно царицы, с Императорской фамилией. В-четвертых, за императрицей закрепилась репутация истерички с железной волей. Все это во многом подготовило стремительное падение авторитета Императорской фамилии и сравнительную легкость падения 300-летней династии Романовых.

Рождение цесаревича Алексея

Долгожданный цесаревич Алексей Николаевич родился 30 июля 1904 г. в Петергофе. Надо отметить, что царская семья еще в феврале 1904 г. окончательно покинула Зимний дворец, в котором они прожили около 9 лет, и переселилась в Царское Село.

В этот день Николай II писал в дневнике: «Незабвенный великий для нас день, в кот. так явно посетила нас милость Божья. В 1^{1/4} дня у Алике родился сын, кот. при молитве нарекли Алексеем. Все произошло замечательно скоро – для меня, по крайней мере. Утром побывал как всегда у Мама, затем принял доклад Коковцова и раненного при Вафангоу арт. офицера Клепикова и пошел к Алике, чтобы завтракать. Она уже была наверху, и полчаса спустя произошло это счастливое событие. Нет слов, чтобы уметь достаточно благодарить Бога за ниспосланное нам утешение в эту годину трудных испытаний! Дорогая Алике чувствовала себя очень хорошо. Мама приехала в 2 часа и долго просидела со мною, до первого свидания с новым внуком. В 5 час. поехал к молебну с детьми, к кот. собралось все семейство. Писал массу телеграмм. Миша приехал из лагеря; он уверяет, что подал «в отставку». Обедал в спальне».

Императрица родила наследника очень легко – «за полчаса». В своей записной книжке она записала: «Вес 4660, дли-

на 58, окружность головы 38, груди 39... в пятницу 30 июля в 1 ч. 15 м. пополудни»⁵². На следующий день, 1 августа, в газетах начали печататься бюллетени о состоянии здоровья императрицы и наследника. Всего вышло девять бюллетеней, которые публиковались в газетах с 1 по 8 августа 1904 г. В них отмечалось, что «состояние здоровья Наследника Цесаревича во всех отношениях удовлетворительно». Подчеркивалось, что императрица сама кормит грудью наследника. 8 августа в газетах было напечатано, что «кормление Наследника Цесаревича Самой Августейшей родительницей идет успешно». 1 августа 1904 г. был опубликован указ, по которому регентом «на случай кончины Нашей... до совершеннолетия Его, назначается Нами Любимый Брат Наш, Великий Князь Михаил Александрович». Крестником цесаревича стал германский император Вильгельм II⁵³. В день крещения наследника опубликован манифест с обычными милостями и льготами.

На фоне этой праздничной суеты царственных родителей снедало беспокойство, не покажутся ли тревожные признаки страшной болезни. Обычно в исследованиях, посвященных этой теме, пишется, что о гемофилии стало известно через пять недель после его рождения. 8 сентября 1904 г. царь записал в дневнике: «Алике и я были очень обеспокоены кровотечением у маленького Алексея, которое продолжалось с перерывами до вечера из пуповины... около 7 часов они на-

ложили повязку»⁵⁴. Затем он на протяжении последующих трех дней с глубокой тревогой констатировал: «Утром опять на повязке была кровь; с 12 часов до вечера ничего не было»; «Сегодня целый день у Алексея не показывалась кровь; на сердце так и отлегла щемящая забота»; «Кончилось кровотечение уже двое суток».

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

Божіею милостію,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

царь польскій и великій князь финляндскій,

и проч., и проч., и проч.,

объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Въ 30-й день сего іюля любезнѣйшая супруга Наша Государыня Александра Феодоровна благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ Намъ сына, нареченнаго Алексѣемъ. Пріемля сіе радостное событіе какъ знаменованіе благодати Божіей, на Насъ и Имперію Нашу илливаемой, возносимъ вмѣстѣ съ вѣрными Нашими подданными горячія молитвы ко Всевышнему о благополучномъ возрастаніи и преуспѣяніи Нашего первороднаго сына, призываемаго быть наслѣдникомъ Богомъ врученной Намъ державы и Великаго Нашего служенія. Манифестомъ отъ 28 іюня 1899 года призвали мы любезнѣйшаго брата Нашего Великаго Князя Михаила Александровича къ наслѣдованію Намъ до рожденія у Насъ сына. Отнынѣ, въ силу основныхъ Государственныхъ законовъ Имперіи, сыну Нашему Алексѣю принадлежитъ высокое званіе и

Манифест о рождении цесаревича Алексея

Вместе с тем ряд документов свидетельствует, что о гемофилии у наследника родители узнали буквально в день его рождения. Поскольку рождение наследника родители напрямую связывали с магическим влиянием Филиппа, то у них не было секретов от великой княгини Милицы, которая поддерживала связь с экстрасенсом. Уже 1 августа 1904 г. Николай II писал ей: «Дорогая Милица. Пишу тебе со слов Алике: слава Богу день прошел спокойно. После перевязки в 12 часов и до 9 часов 30 мин вечера не было ни капли крови. Доктора надеются, что так будет продолжаться. Коровин остается на ночь. Федоров уезжает в город и вернется завтра. Он нам обоим чрезвычайно нравится! Маленькое «сокровище» удивительно спокойно, а когда ему делают перевязку, или оно спит, или лежит и смеется. У родителей теперь немного отлегло от сердца. Федоров говорит, что по приблизительному исчислению потеря крови за двое суток составляет от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{9}$ всего количества крови»⁵⁵.

Видимо, появление записи о кровотечении в дневнике царя за 8 сентября объясняется тем, что весь август родители надеялись, что кровотечение больше не повторится. Но после того как диагноз был окончательно поставлен, царь сделал эту страшную для него запись.

Таким образом, документально зафиксированы два кровотечения. Первое сразу же после родов и второе в начале сентября 1904 г., которое все расставило по местам. Рядом с наследником постоянно находился хирург С.П. Федоров, который «обоим чрезвычайно понравился» и «оставался во дворце двое с половиной суток безвыездно»⁵⁶. С этого времени болезнь наследника превращается в постоянно действующий дестабилизирующий политический фактор, обусловленный высокой степенью персонификации политической жизни самодержавной России.

Для императрицы свершившаяся трагедия становится очевидной. Поскольку она, видимо, неоднократно говорила на эту тему со своей старшей сестрой Ирэнной, то для нее уже тогда, в сентябре, совершенно очевидно было и бессилие медиков в борьбе против этой болезни. И хотя немедленно привлекаются лучшие врачи из Военно-медицинской академии, она уже тогда, в сентябре 1904 г., больше надеется на чудо, чем на медицинскую помощь. Об этих настроениях императрицы свидетельствует ее фраза в письме к царю от 15 сентября 1904 г., написанном в Петергофе: «Я уверена, что наш Друг оберегает тебя так же, как он берег маленького на прошлой неделе»⁵⁷.

Эта фраза знаменательна тем, что в ней уже прочитывается весь будущий сценарий трагедии этой семьи. «Друг» – это еще не Распутин, а Филипп, его сразу же уведомили о заболевании цесаревича, и надежда на помощь «Друга» в заботе

о «маленьком» значительно больше, чем на помощь врачей. В ноябре 1904 г. наследнику вновь понадобилась медицинская помощь. Лекарский помощник Поляков сообщал, что хирург С.П. Федоров нанес «еще два визита».

Болезнь ребенка сразу же приобрела характер государственной тайны, и даже ближайшие родственники далеко не сразу узнали об этом страшном заболевании. О том, насколько тщательно оберегалась тайна, говорит то, что великий князь Константин Константинович только в январе 1909 г. записал в дневнике о наследнике: «У него болит нога, поговаривают, что это воспаление коленного сустава, но наверно не знаю»⁵⁸. Вероятно, эти безобидные слухи о «воспалении коленного сустава» сознательно распространялись для того, чтобы скрыть страшную правду о гемофилии. О «разнообразии» слухов, связанных с «диагностированием» заболевания цесаревича, свидетельствуют многочисленные мемуарные упоминания. В январе 1911 г. А.А. Бобринский записал в дневнике: «У наследника нечто вроде аппендицита на почве ошибочного доморощенного медицинского диагноза»⁵⁹. Впрочем, степень осведомленности столичного бомонда была разной. Удивителен разрыв в степени информированности различных людей во властной элите Петербурга. С одной стороны, уже в ноябре 1904 г. А.В. Богданович записала в дневнике: «Про наследника говорил сегодня Штюмер, что якобы у него есть одна болезнь, с которой он и родился, и

что теперь один хирург находится неотлучно во дворце»⁶⁰, а с другой стороны, американский посол в России Дж. Мэрей писал в конце 1916 г.: «Мы слышали много различного рода историй о состоянии наследника. Самой правдоподобной нам кажется версия о том, что у Алексея существуют какие-то трудности с кровообращением. Кровь как будто находится слишком близко от поверхности кожи»⁶¹.

А. Вырубова замечает в мемуарах, что «Их Величества скрывали болезнь Алексея Николаевича от всех, кроме самых близких родственников и друзей»⁶². Болезнь скрывали так тщательно, что, видимо, к этим «близким родственникам» не относилась даже сестра царя Ксения Александровна, которая узнала о заболевании племянника от своей сестры, великой княгини Ольги Александровны, только в марте 1912 г.: «В вагоне Ольга нам рассказала про свой разговор с ней»⁶³. Она в первый раз сказала, что у бедного маленького эта ужасная болезнь и от этого она сама больна и никогда окончательно не поправится»⁶⁴.

В царской семье росли еще четыре дочери, а поскольку именно женщины являлись носителями мутантного гена, то, естественно, возникал вопрос: не будут ли дочери так же несчастны, как их мать, родив неизлечимо больного ребенка? Старшая Ольга была уже невестой, но ей не торопились выбирать жениха. Впрочем, возможно, и женихи не торопились, хорошо представляя последствия гемофилии. Перио-

дически назывались различные имена, от румынского принца до великого князя Дмитрия Павловича. Но все эти намерения остались только в планах. Не было ли здесь опасения за судьбы дочерей?

По свидетельству Й. Ворреса, великая княгиня Ольга Александровна была уверена, что ее племянницы являются носительницами мутантного гена. И если бы они вышли замуж, то передали бы эту болезнь своим детям. Она утверждала, что «у них бывали сильные кровотечения. Она вспоминала, какая поднялась паника в Царском Селе, когда великой княжне Марии Николаевне удаляли гланды. Доктор Скляр, которого великая княгиня представила императрице, рассчитывал, что предстоит обычная несложная операция. Но едва она началась, как у юной великой княжны обильно хлынула кровь.... Несмотря на то, что кровотечение продолжалось, ему удалось успешно завершить операцию»⁶⁵.

Об этой тайне и порожденных ею слухах позже писали многие мемуаристы и историки. Отношение к этой ситуации среди них было разное. Промонархически настроенные авторы оправдывали действия царской семьи. Например, Е.Е. Алферьев в своей книге писал, что «по политическим и династическим соображениям, чтобы не давать возможность врагам России использовать болезнь Наследника в своих, преступных целях Они были *вынуждены ее скрывать*»⁶⁶. Историк С.С. Ольденбург в своей двухтомной истории царствования Николая II просто констатировал, что «болезнь

наследника считалась государственной тайной, но толки о ней тем не менее были широко распространены»⁶⁷.

Критики династии отмечали катастрофические последствия закрытости царской семьи и бесперспективность этой позиции. Например, Феликс Юсупов отмечал, что «болезнь наследника старались скрыть. Скрыть до конца ее было нельзя, и скрытность только увеличивала всевозможные слухи, которые вообще порождались в обществе благодаря уединенной жизни государя»⁶⁸. Говорили о том, что Алексей умственно отсталый, эпилептик, что «будто бы нигилисты изувечили ребенка на борту императорской яхты»⁶⁹.

По впечатлениям П. Жильяра, который видел цесаревича в феврале 1906 г., он не производил впечатления больного ребенка: «У него был свежий и розовый цвет лица здорового ребенка, и когда он улыбался, на его круглых щечках вырисовывались две ямочки»⁷⁰. Многочисленные фотографии подтверждают это.

Не все так по-доброму воспринимали Алексея. На него смотрели не как на больного ребенка, а как на наследника огромной державы и будущего властителя. Многие задавались вопросом: а какое будущее ожидает их страну, когда во главе ее окажется калека? Эти настроения отражены в воспоминаниях графини М. Клейнмихель: «Стали говорить, что ребенок слаб и недолговечен. Говорили, что у ребенка отсутствует покров кожи, отсутствие которого должно вы-

звать постоянные кровоизлияния, так что жизнь его могла угаснуть от самого незначительного недомогания... Благодаря тщательному уходу за ним, ребенок выжил, стал поправляться, хорошет, был умен, но долго не мог ходить, и вид этого маленького существа, постоянно на руках у здорового казака, производил на народ удручающее впечатление... Этот маленький калека – в нем грядущее великой России?»⁷¹. Кроме этого монархистов заботила чрезмерная близость Распутина не только к императрице, но и к наследнику. М.В. Родзянко писал, что «не без основания, являлось опасение, что постоянная проповедь сектантства может оказать влияние на впечатлительную детскую душу... привьет его миросозерцанию вредный мистицизм и может сделать из него в будущем нервного и неуравновешенного человека»⁷².

Первый серьезный кризис в развитии болезни произошел в конце 1907 г., когда цесаревичу уже было три с половиной года⁷³. Он в первый раз серьезно травмировал ногу. Как писал великий князь Александр Михайлович: «Трех лет от роду, играя в парке, цесаревич Алексей упал и получил ранение»⁷⁴. По свидетельству великой княгини Ольги Александровны, именно во время этого кризиса Распутин впервые стабилизировал положение больного ребенка. По ее словам, «от докторов не было совершенно никакого проку. Перепуганные больше нас, они все время перешептывались. По-видимому, они просто не могли ничего сделать». Она пишет,

что только после появления Распутина, ситуация изменилась, и «малыш был не только жив, но и здоров»⁷⁵. А. Вырубова, коротко упомянув о кризисе 1907 г., ни словом не обмолвилась о вмешательстве Распутина, наоборот, она подчеркивала, что «когда осенью заболел наследник... Ничто не помогало ему, кроме ухода и забот его матери»⁷⁶.

Во время первого серьезного кризиса в состоянии здоровья цесаревича в Александровский дворец Царского Села впервые пригласили иностранного специалиста. Это был профессор ортопедии Берлинского университета доктор Альберт Гофф⁷⁷. Его приглашение стало, видимо, связано с первой и последней попыткой обратиться к опыту европейских специалистов. Поскольку больше их не приглашали, этот опыт оказался не особенно удачным. Впрочем, возможно, его консультации потребовались для квалифицированного заказа в Берлинском ортопедическом институте специальной кровати для больного цесаревича. Одно можно утверждать с уверенностью, что с 1907 г. для европейских медиков и политиков тайны заболевания русского цесаревича уже не существовало.

В марте 1908 г. очередная травма цесаревича стала поводом для переписки царя и императрицы Марии Федоровны. Алексей упал, ударился лбом, в результате чего на его лице появились страшные отеки. Императрица Мария Федоровна с беспокойством писала сыну из Лондона: «Я слыша-

ла, бедный маленький Алексей ударился лбом, и на лице появились такие отеки, что смотреть страшно, а глаза совсем закрылись»⁷⁸. Для того чтобы последствия травмы прошли, потребовалось три недели. В ответ Николай писал матери в Лондон: «Ты спрашиваешь про маленького Алексея – слава Богу, шишка и синяки у него прошли без следа. Он весел и здоров, как и его сестры»⁷⁹. Это были первые серьезные звонки, но далеко не последние.

*Цесаревича Алексея несет на руках вахмистр Пилипенко.
1913 г.*

Позже все они слились в некий тревожный фон, к которо-

му царская семья привыкла и приспособилась, но не забывала о нем ни на минуту. Из документов мы узнаем об этих «незаметных» кризисах. О серьезности их говорит то, что хирург С.П. Федоров «в декабре (на рождество) 1908 г. был экстренно вызван из Москвы»⁸⁰ к цесаревичу.

В августе 1912 г. в Москве состоялось празднование 100-летия Бородинской битвы. Император очень хотел показать народу здорового наследника и хотя бы частично развеять те слухи, которые были с ним связаны, но очередное недомогание сделало это невозможным. Во время всех церемоний его носил на руках его дядька – боцман А.Е. Деревенько. Московский губернатор, в то время В.Ф. Джунковский, заметил: «Больно было видеть наследника в таком положении»⁸¹.

Крещение детей

Крещение родившегося ребенка являлось важной частью не только религиозной обрядности, но повседневной жизни. Понятия «крестный отец» или «крестная мать» в России никогда не были пустым звуком.

Крестильная рубашка Алексея

Процедура крещения ребенка – одна из отработанных придворных церемоний с четким, раз и навсегда определенным ритуалом. Естественно, на торжественную церемонию собиралось все наличное «семейство». Естественно, крещение обставлялось со всей возможной традиционной пышностью. Ребенка укладывали на подушку из золотой парчи и укрывали тяжелой золотой императорской мантией, подбитой горностаем. При этом крестильные рубашки потенциальных самодержцев, розовые у девочек и синие у мальчиков, бережно сохранялись. До нас дошла крестильная рубашка цесаревича Алексея, окрещенного в Петергофе летом 1904 г.

Примечательно, что важность события прекрасно осознавалась, и саму процедуру крещения старались зафиксировать. Причем не только в камер-фурьерских журналах, но и изобразительными средствами. До нас дошли акварели придворного художника Михая Зичи, на которых он запечатлел процедуру крещения будущего Николая II в мае 1868 г. В архиве хранится официальный фотоальбом, посвященный крещению первой дочери Николая II Ольги в 1895 г.

Крестили через две недели после родов. Как правило, там, где случалось рожать матерям. Процедура крещения начиналась с торжественного шествия в храм. Если крещение про-

исходило в домово́й церкви, то это было торжественное шествие по дворцовым залам. Если же церковь находилась вне жилой резиденции – использовались парадные кареты. Золоченые кареты образовывали торжественный поезд, который конвоировали гвардейцы. Поскольку Александр II родился в Москве, то и обряд крещения над ним совершался также в Москве, в церкви Чудова монастыря. Примечательно, что восприемница младенца вдовствующая императрица Мария Федоровна, следуя примеру матери Петра Великого, положила младенца на раку, где находились нетленные мощи Св. Алексия, митрополита Московского.

Родителей, конечно, волновало состояние здоровья младенца, как бы его не простудили и не уронили во время церемонии. Тем более, что по традиции мать ребенка не присутствовала на крещении. Спокойствие ребенка во время процедуры крещения воспринималось как благоприятный знак в его судьбе. Примечательно, что у высочайших родильниц периодически отмечались психозы, описанные сегодня в медицинской литературе. В мае 1857 г., когда крестили Сергея Александровича, императрица Мария Александровна поделилась со своей фрейлиной опасениями, что младенца «утопят или задушат во время крестин»⁸².

Матери получали подарки по случаю крещения своих детей. В апреле 1875 г. при крещении великой княжны Ксении Александровны ее мать, цесаревна Мария Федоровна, получила от Александра II две крупные жемчужины в серьгах⁸³.

Во время процедуры крещения младенца на руках несла статс-дама, которую страховали «ассистенты». Некоторым из статс-дам удавалось принять участие в крещении двух императоров. В 1796 г. будущего Николая I на руках несла статс-дама Шарлотта Карловна Ливен, которую сопровождали обер-шталмейстер Л.А. Нарышкин¹ и граф Н.И. Салтыков⁸⁴. Через 22 года, когда в Москве 5 мая 1818 г. крестили будущего Александра II, та же Шарлотта Ливен внесла в храм на своих руках будущего императора. Надо заметить, что статс-дамы в полной мере понимали свою ответственность. Поскольку они, как правило, были уже пожилыми женщинами, то, страхуясь, они прибегали к различным ухищрениям. Например, когда в 1904 г. крестили сына Николая II, статс-дама Голицына несла подушку из золотой материи, на которой лежал ребенок, прикрепив ее к своим плечам широкой золотой лентой. Кроме этого, к своим парадным туфлям она приказала приклеить каучуковые подошвы, чтобы не поскользнуться. При этом ее поддерживали под руки церемониймейстер А.С. Долгорукий и граф П.К. Бенкендорф⁸⁵.

Немаловажной частью процедуры крещения был подбор крестных матерей и отцов. Как правило, этот вопрос ре-

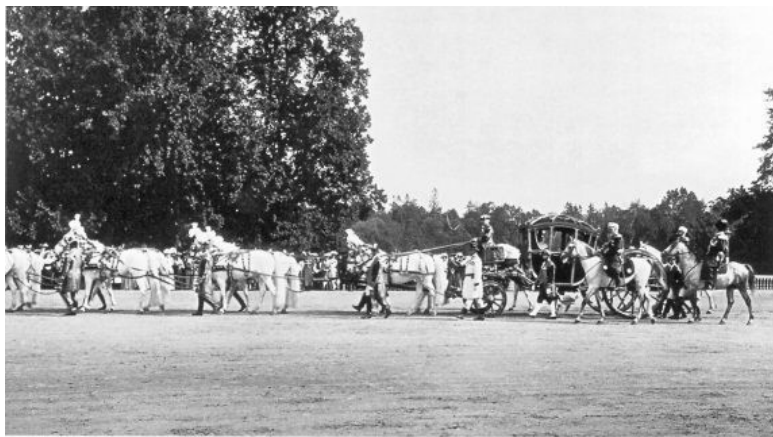
¹ Нарышкин Лев Александрович (1733–1799) – обер-шталмейстер. Службу начал в лейб-гвардии Преображенском полку. С 1751 г. – камер-юнкер, с 1756 г. – камергер. В день коронации Екатерины II 22 сентября 1762 г. пожалован в обер-шталмейстеры.

шался не только с учетом дворцовых раскладов, но и высокой политики. Приглашение в крестные являлось знаком не только хороших личностных отношений, но и демонстрировало прочность политических отношений. В 1818 г. восприемниками будущего императора Александра II стали сам Александр I, вдовствующая императрица Мария Федоровна и дед по матери Фридрих-Вильгельм III, король Прусский. В 1857 г. восприемниками родившегося великого князя Сергея Александровича были старший брат цесаревич Николай Александрович, великая княгиня Екатерина Михайловна⁸⁶, великий герцог Гессенский Людвиг III и вдовствующая королева Нидерландов Анна Павловна. В 1904 г. в число многих крестных матерей цесаревича Алексея входила его старшая сестра – 9-летняя Ольга. Поскольку Алексей – единственный сын российского монарха, то у него были «серьезные» крестные отцы – король Англии Георг V и германский император Вильгельм II, датский король Христиан IX и великий князь Алексей Александрович.

В процедуре крещения участвовали старшие братья и сестры новорожденного. Для детей это становилось важным опытом участия в торжественных дворцовых церемониях. К ним готовились, особенно девочки. Одна из дочерей Николая I вспоминала, как они готовились к крестинам Константина Николаевича, родившегося в сентябре 1827 г.: «К крестинам нам завили локоны, надели платья – декольте, белые туфли и Екатерининские ленты через плечо. Мы нахо-

дили себя очень эффектными и внушающими уважение. Но – о разочарование! – когда Папа увидел нас издали, он воскликнул: «Что за обезьяны! Сейчас же снять ленты и прочие украшения!» Мы были очень опечалены»⁸⁷.

Немаловажной частью обряда крещения было возложение на младенца «статусных» орденов. По традиции в конце церковной службы императору на золотом блюде подносился орден Св. Андрея Первозванного, который он возлагал на новорожденного. Кроме этого ордена младенец «награждался» орденами Св. Александра Невского, Белого Орла, а также высшей степенью орденов Св. Анны и Станислава, производился в прапорщики и зачислялся в один из лейб-гвардейских полков. Девочки при крещении получали знаки ордена Св. Екатерины. Завершался обряд крещения вечерним торжественным обедом и иногда иллюминацией.

Кортеж в день крещения цесаревича Алексея 11 августа 1904 г. Шествие от Нижней дачи к Большому Петергофскому дворцу

*День крещения цесаревича Алексея 11 августа 1904 г.
Прибытие имп. Марии Федоровны*

*День крещения цесаревича Алексея 11 августа 1904 г.
Прибытие новорожденного*

Кортеж в день крещения цесаревича Алексея 11 августа 1904 г. Шествие к Нижней даче от Большого Петергофского дворца

Когда в 1840-х гг. начали появляться дети у будущего Александра II, обряд их крещения повторился до деталей. Первая дочь Александра II родилась 19 августа 1842 г. 30 августа состоялся обряд ее крещения в церкви Большого Екатерининского дворца Царского Села. Нести новорожденного по статусу полагалось первой придворной даме, которой тогда была статс-дама княгиня Е.В. Салтыкова. Согласно требованиям церемониала, на ней было «русское» придворное

платье, кокошник с нашитыми на него бриллиантами, перекрытый фатой. По традиции, новорожденную положили на парчовую подушку, которую держала в руках статс-дама, и покрыли парчовым покрывалом, прикрепленным на плечах и груди графини. Подушку и покрывало придерживали двое знатных придворных.

Примечательно, что на процедуре крещения, но за ширмами, присутствовали также лица, которые обеспечивали «техническую сторону» происходящего на случаи различных «детских неожиданностей»: англичанка-бонна, кормилица и акушерка. Как упоминала мемуаристка, акушерка была в дорогом шелковом платье и блондовом чепце, украшенная бриллиантовым фермуаром² и серьгами⁸⁸. Традиция присутствия при крещении «технического персонала» сложилась значительно раньше. Николай I, описывая свое крещение, упоминает, что «во время церемонии крещения вся женская прислуга была одета в фижмы и платья с корсетами, не исключая даже кормилицы. Представьте себе странную фигуру простой русской крестьянки из окрестностей Петербурга в фижмах, в корсете до удушия. Тем не менее это находили необходимым. Лишь только отец мой, при рождении Михаила, освободил этих несчастных от этой смешной пытки»⁸⁹. Однако присутствие няни на церемонии крещения было обязательным, поскольку только профессиональ-

² Фермуар (от фр. *fermoir*) – в данном контексте ожерелье с такой застежкой.

ная няня могла нейтрализовать «неожиданности» со стороны младенца. Аристократки такой «квалификацией» не обладали, да и не по статусу это было...

Няня-англичанка детей Николая II описывает в воспоминаниях, как она присутствовала в качестве «технического персонала» на крестинах двухнедельной Марии Николаевны в 1899 г. в домовый церкви Большого Петергофского дворца. По ее воспоминаниям, торжественная церемония продолжалась более двух часов. Няню провели в служебные помещения рядом с церковью, причем один из священников проконсультировался у няни, спросив, какой температуры должна быть вода в купели для великой княжны. Мемуаристка указывает, что родители не участвовали в процедуре крещения, а Мария Николаевна была одета в крестильную рубашку, в которой в мае 1868 г. крестили самого Николая II.

Примечательно, что хотя процедура крещения совершалась со всей положенной помпой, но певчие в этом случае пели очень тихо, чтобы не испугать младенца⁹⁰.

Крещение будущего Александра III состоялось 13 марта 1845 г. в Большой церкви Зимнего дворца. Поскольку гофмейстрина цесаревны княгиня Е.В. Салтыкова была больна, то младенца несла на подушке статс-дама М.Д. Нессельроде, по сторонам ее шли, поддерживая подушку и покрывало, два знатнейших сановника Империи: генерал-фельдмаршал князь Варшавский Паскевич-Эриванский и статс-секретарь граф Нессельроде, возведенный в этот же день в звание го-

сударственного канцлера⁹¹.

Крещение будущего Николая II состоялось 20 мая 1868 г. в Большой церкви Зимнего дворца. Судя по акварели М. Зичи, в этой процедуре самое активное участие принимал дедушка, Александр II, который, как и все остальные, отчетливо понимал, что совершается крещение не просто его первого внука, но, возможно, будущего императора. На акварели изображены четыре сцены крещения, и на двух из них Александр II держит своего внука на руках. Примечательно, что во время крещения в качестве ассистентов статс-дамы выступали два императора – Александр II и отец – великий князь Александр Александрович (будущий) Александр III. То, что отец, нарушая традиции, принимал активное участие в крещении, видимо, было связано с важностью происходящего. Два императора, действующий и потенциальный, держали на руках своего очередного преемника, укрепляя фундамент его легитимности.

*М. Зичи. Крещение вел. кн. Николая Александровича.
1868 г.*

Современник описал это событие следующим образом: «Крестины новорожденного происходили 20 мая в Царском Селе с особенной торжественностью. При церемониальном шествии через все залы Большого Царскосельского дворца в церковь дворцовую новорожденного несли гофмейстрина княгиня Куракина, поддерживаемая с одной стороны государственным канцлером князем Горчаковым, с другой – фельдмаршалом князем Барятинским (поддержка не очень надежная, так как оба сановника сами плохо держались на

ногах). Восприемниками были Государь и великая княгиня Елена Павловна, а, кроме того, заочными – королева и наследный принц Датские»⁹².

Примечательно, что и в 1845 г., и в 1868 г. в крещении будущих императоров принимали участие главы внешнеполитического ведомства (граф Нессельроде и князь Горчаков) и два фельдмаршала (генерал-фельдмаршал князь Варшавский Паскевич-Эриванский и фельдмаршал князь Барятинский).

Совершенно очевидно, что это не было случайностью, это отчетливый «след» соблюдения традиции «прежних лет».

Впоследствии, в августе 1904 г., Николай II в день крещения своего сына Алексея записал в дневнике: «11-го августа. Среда. Знаменательный день крещения нашего дорогого сына». Конечно, и факт рождения, и крещения первенца для любого монарха был «знаменательным», поскольку «перекидывал мостик» к следующему царствованию. Процедура крещения цесаревича отличалась от процедуры крещения его сестер только несколько большей пышностью. Карету с младенцем везли 8 лошадей, а не 6, как у его сестер. Этим все статусные различия и ограничивались.

По традиции, процедура крещения завершалась большим обедом, на котором присутствовали особы первых трех классов. В 1857 г. после крещения великого князя Сергея Александровича на «трехклассном обеде» присутствовало 800 человек.

Конечно, во время ответственной и многолюдной процедуры крещения не обходилось без суеты и накладок. Во время крещения Анастасии, четвертой дочери Николая II, при подготовке торжества «отстали от графика», и золотая карета, в которой находилась княгиня Голицына с ребенком и ее ассистенты, буквально неслась по улицам. «Золотая же карета, которая обычно употребляется для этой церемонии, – старой конструкции, поэтому бока у обоих стариков были сильно помяты»⁹³.

Воспитание высокородных детей

Родители во все времена старались дать детям лучшее, в первую очередь здоровье, образование и воспитание. Огромное значение «дошкольному» воспитательному процессу придавалось и в императорской семье. Все совершенно отчетливо понимали, что со временем эти мальчики будут управлять огромной империей, а девочки станут женами владетельных персон.

Кормилицы и педиатры при императорской семье

С рождения у детей постепенно формировался *собственный штат*, отвечавший за их здоровье и благополучие.

Фундамент здоровья детей закладывался вскармливанием. Высокородные матери своих детей, конечно, не кормили. Кормилиц подбирали очень тщательно. Как правило, это были крестьянки из деревень. Ответственность за подбор кормилиц и состояние их здоровья целиком лежала на придворных медиках. Поскольку детей в царской семье рождалось много, то и кормилиц требовалось много. Поэтому императрица Мария Федоровна внимательно заботилась не только о санитарном состоянии пригородных резиденций, но и близлежащих деревень, которые были «рассадником кормилиц для царских и городских детей». Например, под Павловском таким «рассадником» кормилиц стала деревня Федоровская. Лейб-медик Рюль отмечал, что в деревне народ был «резвый, здоровый, постоя никогда не было, а все знают, что постоя войск портит женщин и нравственно»⁹⁴.

Подбор кормилиц «из народа» имел еще одну очень важную сторону – политическую. То, что российского⁹⁵ императора вскармливала простая русская крестьянка и у царя имелись молочные братья и сестры из крестьянской среды,

было очень важным кирпичиком в фундаменте неразрывно-мистической связи царя и народа.

Имена кормилиц оставались в истории. Для самих кормилиц, кроме статуса, наверное, была очень важна пожизненная пенсия и денежные подарки к тезоименитству, Рождеству и Пасхе.

Кормилицей Николая I стала красносельская крестьянка Ефросинья Ершова. История «взаимоотношений» Николая I и кормилицы с ее детьми продолжалась с 1796 по 1853 г., то есть 57 лет, фактически всю жизнь императора. История этих «взаимоотношений» реконструируется по «Гардеробным суммам» Николая I.

Николай I родился 25 июня 1796 г. Ему сразу же подобрали кормилицу, положив ей жалованье в 800 руб. в год. Жалованье кормилице выплачивалось «по третям», то есть раз в три месяца. 16 февраля 1797 г. кормилица Ефросинья Ершова получила 200 руб. Естественно, она была неграмотна, и в «ведомости» за нее расписалась няня Синицына⁹⁶. Кормила императора Ефросинья около года, по крайней мере, в сентябре 1797 г. она, «по повелению императрицы», получала «положенный пансион, принадлежащий ей за прошедшие полгода, считая с марта по 1 сентября 300 руб.»⁹⁷.

Пенсию в 800 руб. в год Ефросинье Ершовой установили в размере жалованья, и она получала ее, так же как и жалованье, по 200 руб. каждые три месяца⁹⁸.

В декабре 1797 г. у Николая I появилась молочная сестра, поскольку по ведомости кормилице выдали «за окрещение у ней младенца 100 руб.». В 1803 г. кормилица получила еще 100 руб., также «за крещение у нее младенца». Наверняка у Ефросиньи Ершовой и до 1896 г. был, по крайней мере, один ребенок, но молочными сестрами Николая I считались только дети кормилицы (Авдотья и Анна), рожденные в 1797 и 1803 гг. Позже у кормилицы родился сын Николай, его также зачислили в молочные братья царя.

Царская кормилица

Умерла кормилица Николая I, видимо, в 1832 г., поскольку к Новому 1833 году «детям умершей кормилицы Авдотье и Анне» выплатили «поздравление с Новым годом – 50 руб.»⁹⁹. С 1833 г. начинаются «отношения» Николая I с молочными сестрами. В бухгалтерских документах они так и назывались – «дочери умершей кормилицы». Примечательно, что деньги им выплачивались по четко фиксированным поводам и только в случае их личной «явки» во дворец. Дочери кормилицы являлись в «свои дни», «как часы», а молочный брат царя только изредка. «Свои» 25 руб. за поздравление с Новым годом он получил единственный раз в 1837 г.

Поводы к выплате денег были следующие. Во-первых, «именинные» самих молочных сестер Авдотьи и Анны. 1 марта 1833 г. Авдотье выделили 25 руб. «именинных». Во-вторых, это ежегодные поздравления императора с Новым годом. В 1835 г. дочерям «умершей кормилицы» за «счастье поздравить» Николая I с Новым годом выплатили 50 руб. на двоих. В-третьих, это поздравление императора на Пасху «Тариф» был стандартный – 50 руб. на двоих. В-четвертых, поздравление Николая I с днем рождения и, в-пятых, в декабре поздравления с тезоименитством. Таким образом сестры «снимали» с императора ежегодно по 125 руб. каждая. Без сомнения, для крестьянской семьи такой гаранти-

рованный доход являлся очень важным. Кроме этого молочные сестры императора занимали особое место в крестьянской общине, да и местные власти к ним относились весьма бережно.

Когда в России, начале 1840-х гг. ассигнации пересчитали на серебро, то пересчитали и деньги дочерей «умершей кормилицы». Анна и Авдотья стали «за поздравления» получать 14 руб. 28 $\frac{4}{7}$ коп. на двоих.

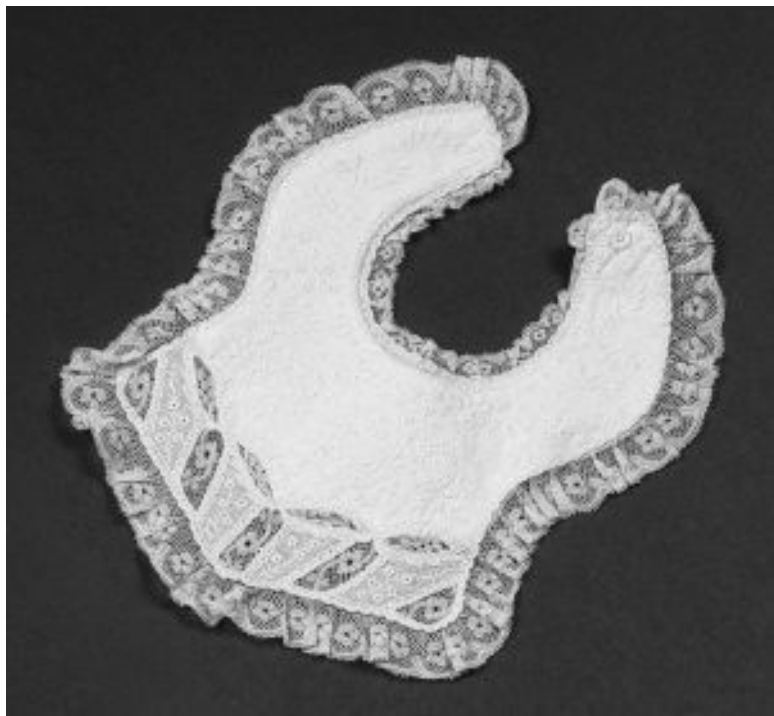

Спальня Ники в Аничковом дворце

В 1844 г. число крестьянских «родственников» Николая I увеличилось в связи с тем, что он стал крестным отцом родившегося у Анны сына. Анна Ершова, по мужу Горохова, в награду «по случаю соизволения Его Величества о восприятии от имени Его Величества от купели новокрещенного ее сына Алексея» получила очень приличную сумму в 28 руб. 58 коп.¹⁰⁰

Иногда по какой-то житейской причине «на поздравления» являлась только одна из сестер и, согласно «железным правилам», она получала только «свои» деньги. На тезоименитство в декабре 1853 г. явилась только Анна Ершова и поэтому она получила только 7 руб. 15 коп. Эти деньги стали последней выплатой Николая I семье кормилицы Ефросиньи Ершовой.

Следует отметить, что у кормилиц со времен Николая I появилась своя «форма одежды». До 1798 г. «форма» кормилиц включала в себя «парадный» и «повседневный» варианты. «Парадный» вариант одевался на торжественные мероприятия, где предполагалось присутствие царственного младенца. В этом случае кормилицы-крестьянки надевали совершенно непривычные для них фижмы и корсеты.

Нагрудники детские. 1900-е гг.

При рождении Михаила, последнего сына Павла I, эта традиция была ликвидирована. «Повседневный» вариант предполагал роскошный русский традиционный сарафан с кокошником. Эта «форма» соблюдалась при Дворе вплоть до 1917 г. Поскольку «русские» сарафаны были дорогими и ши-

лись на средства казны, то их продолжали хранить во дворце как реликвию даже после того, как дети выросли. В Александровском дворце Царского Села, на втором этаже детской половины, в коридоре вдоль стен стояли шкафы с одеждой царских детей. Там, в шкафу № 1, хранились все костюмы кормилиц детей Николая II.

О кормилицах других императоров известно значительно меньше. Кормилицей Александра III была крестьянка села Пулково Царскосельского уезда Екатерина Лужникова. «По примеру прежних лет» по отнятии Александра от груди ей пожалована пожизненная пенсия в 100 руб. в год, сверх которой она ежегодно получала денежные выдачи в упомянутые выше праздники.

Платье для младенца. 1900-е гг.

Мемуаристы упоминали, как к Александру III по «своим дням» приходила его престарелая кормилица: «Она неизменно являлась в своем наряде и отношения к ней государя были трогательны»¹⁰¹.

В 1847 г. в Петергофе проводил свое первое лето Владимир, младший брат Александра III, которому тогда было несколько месяцев. Один из воспитателей писал родителям, что его «кормилица здоровая женщина, но для поддержания ее здоровья в надлежащем равновесии, на будущее время надо, чтобы она делала еще больше движения, о чем я говорил и няне, и доктору»¹⁰², что «обе няни опрятные в своем деле женщины, чрезвычайно усердны и рачительны к своему делу. Мамка тихая, а главное, здоровая женщина»¹⁰³.

Интересен вопрос об организации *педиатрической службы* при Императорском дворе, тем более, что во всех императорских семьях на протяжении XIX в. дети умирали от тех или иных заболеваний. Например, умерли в детском возрасте обе дочери Александра I, в семье Николая I – 18-летняя дочь, в семье Александра II – дочь и сын, в семье Александра III – два сына.

За здоровьем детей медики, конечно, наблюдали всегда. Медиков в обязательном порядке включали в штат всех цар-

ских детей. При рождении Николая I к нему в штат были определены: лейб-медик И.Ф. Бек с годовым жалованьем в 500 руб.; придворный аптекарь Гетьман с жалованьем в 100 руб.; придворный лекарь Эблинг (100 руб.) и зубной лекарь Понгиарт. Следует заметить, что Бек обладал значительным опытом службы при Дворе, поскольку еще в 1773 г. его назначили гофхирургом к будущему Павлу I. В ноябре 1786 г. И.Ф. Бека назначили врачом при великих князьях и княжнах. Примерно по этой же схеме медики включались в штат и других царских детей.

В середине 1870-х гг. при Императорском дворе сформировалась специализированная педиатрическая служба. С 1876 по 1915 г. ее возглавлял Карл Андреевич Раухфус, который первым получил должность лейб-педиатра.

Особое внимание с учетом изменившегося уровня медицинских знаний уделялось здоровью детей в семье Николая II. Особенно опекали больного царевича Алексея. Поскольку все, что было связано с рождением и ростом наследника Алексея, имело важное государственное значение, то и подбор кормилиц для него считался важным государственным делом.

И.Н. Крамской. Портрет доктора К.А. Раухфуса. 1887 г.

В августе 1896 г. должность врача при детях Николая II занял почетный лейб-педиатр доктор И.П. Коровин. До это-

го он с 1877 г. состоял при детях великого князя Владимира Александровича, получая жалованье в 1800 руб. в год. Любопытно, что при назначении его врачом царских детей жалованье существенно уменьшили – до 1500 руб. в год. И только в 1899 г., после рождения третьей дочери в семье царя, ему увеличили жалованье до 3000 руб. в год. В декабре 1902 г. высочайшим указом постановили уже пожилому «доктору медицины, действительному статскому советнику Ивану Коровину выдавать пожизненно по три тысячи рублей в год из Кабинета Его Величества... безразлично, будет ли доктор Коровин состоять на службе или выйдет в отставку а равно будет ли он продолжать пользоваться Августейших детей или нет»¹⁰⁴. После рождения в 1904 г. Алексея содержание доктора вновь увеличили до 4500 руб. «ввиду того, что лейб-педиатр Коровин был приглашаем весьма часто, иногда ежедневно для пользования Наследника Цесаревича, со дня рождения»¹⁰⁵.

Шли годы, и с сентября 1907 г. лечение наследника и дочерей было возложено на профессора Симановского и старшего врача Николаевского кадетского корпуса доктора медицины Острогорского. 25 августа 1908 г. императрица, отдыхавшая в финских шхерах на борту яхты «Штандарт», получила телеграмму в которой сообщалось, что «лейб-педиатр доктор Коровин скончался сегодня утром» в своей квартире. Надо заметить, что его вдова получила достаточно приличное содержание из различных источников: за мужа из Воен-

но-медицинского управления – 423 руб.; из эмириательной кассы – 860 руб.; из Кабинета Его Величества – 1500 руб.; из сумм августейших детей – 500 руб. Всего 3283 руб. в год.

Кормилиц к наследнику подбирали в «Приюте кормилиц и грудных детей С.С. Защегринской». Еще в июле 1904 г. акушерка София Сергеевна Защегринская отправилась, по традиции, в глубинку, в Тверскую губернию, на поиски здоровых кормилиц. Об объеме проделанной ею работы говорит то, что она объездила 108 деревень Новоторжковского уезда, где отобрала четырех кормилиц. Поскольку она забирала их в Петербург в период страды, то ей пришлось выплачивать семьям кормилиц по 15 руб. для найма работниц, которые должны были заменить их. По приезде, несмотря на жесткий первичный отбор, двоих отправили обратно после осмотра их доктором Коровиным и профессором Д.О. Оттом. Был проведен тщательный медицинский осмотр кормилиц, сделаны анализы мочи и молока. Отобранным кормилицам установили содержание в 150 руб. Став кормилицами, они обеспечили свое будущее, поскольку, по традиции, первая кормилица, пользовалась покровительством царской семьи на протяжении всей своей жизни.

Императрица Александра Федоровна *сама начала кормить своего сына*, но основная нагрузка легла на отобранных кормилиц. Ими последовательно были: Александра Негодова-Крот (30 июля – 19 октября 1904 г.); Наталья Зиновьева (19 октября – 20 ноября 1904 г.); Мария Кошелькова (28 но-

ября – 3 января 1905 г.); Дарья Иванова (с 8 января 1905 г.).

Следует подчеркнуть, что Николай II гордился тем, что его жена сама кормит единственного сына. Конечно, это не было полноценным кормлением, скорее, это было просто прикладывание к груди, но тем не менее...

Следует иметь в виду то, что кормление грудью при Императорском дворе имело свою историю. Общеизвестно, что в аристократической среде не в обычае было матерям самим кормить детей грудью. Первой такое желание в 1842 г. выразила жена цесаревича Александра – цесаревна Мария Александровна. Однако это желание настолько выбивалось из традиций, что цесаревич Александр Николаевич решительно воспротивился этому¹⁰⁶. «Пионером» в деле кормления своих детей стала великая княгиня Мария Павловна, жена великого князя

Владимира Александровича. Еще в августе 1875 г. Михень сама стала кормить своего новорожденного сына – великого князя Александра Владимировича. Это явилось маленькой сенсацией, и об этом говорили в гостиных. По крайней мере, даже 18-летний Сергей Александрович отметил в дневнике (21 августа 1875 г.), что «Михен сама кормит своего сына»¹⁰⁷. Императрица Мария Федоровна ни на йоту не отступала от традиций в воспитании детей, поэтому ни о каком кормлении грудью не было и речи. В результате жена Николая II стала первой российской императрицей, которая кормила грудью своих детей.

Подбор кормилиц был не только очень престижным, но и хлопотным и дорогим делом. В связи с жестким контролем за состоянием молока профессор Отт требовал от Защегринской все новых и новых кормилиц. В ноябре «при дурной погоде и дороге» ей пришлось объехать деревни Царскосельского, Лужского, Петергофского уездов. Из этой поездки было привезено пять кормилиц, из них четырех медики забраковали. Как пишет Защегринская, «по желанию доктора Коровина вторично поехала на поиски кормилицы в Псковскую губернию», откуда было привезено еще четыре кормилицы. После трех осмотров кормилиц и их детей отобрали двоих. Но доктора продолжали требовать «как можно больше кормилиц», поэтому уже в декабре 1904 г. она вновь привозит еще 11 кормилиц из деревень, расположенных в пригородах Петербурга, из них отобрали «для наблюдений» четыре кормилицы.

В конце декабря 1904 г. Защегринская отправляет камер-фрау императрицы М.Ф. Герингер письмо, в котором подробно перечисляет и описывает все свои труды по подбору кормилиц для цесаревича и подчеркивает, что оплата ее трудов не соответствует расходам. И констатирует, что «дошла до того, что заложила свой приют и потеряла здоровье», что «доктор Раухфус последнюю поездку назвал подвигом»¹⁰⁸. Любопытно, что проблемы с кормилицами Защегринская связывала с политической ситуацией в стране: «В неудаче кормилиц... виною время... если бы Вы знали.

Что делается по деревням... какое горе переживает народ, когда берут из запаса на войну¹⁰⁹ ... я прямо даже удивилась, что я нашла 10 человек». В своем следующем письме на имя личного секретаря императрицы графа Я.Н. Ростовцева в январе 1905 г. она упоминает, в чем заключались, собственно, проблемы с кормилицами. Первая кормилица цесаревича Александра Негодова-Крот забракована в середине октября 1904 г. «вследствие зажирения молока»¹¹⁰. За все труды Защегринской заплатили 500 руб., но она представила подробную калькуляцию своих расходов, заявив, что «это вознаграждение решительно не соответствует тем трудам и лишениям в поездках», и напористо потребовала по 500 руб. за каждую отобранную кормилицу. В этот же день ее требования были доложены императрице, которая распорядилась выплатить требуемые деньги. Всего поиски и оплата труда кормилиц обошлись казне (с июля 1904 г. по январь 1905 г.) в 5291 руб. 15 коп.¹¹¹

По традиции, покровительство первой кормилице со стороны царской семьи продолжалось годами. Ко времени рождения наследника в многодетной царской семье было уже несколько таких кормилиц. И сложились определенные традиции их оплаты. Великую княжну Ольгу Николаевну выкормила Ксения Воронцова. Императрица периодически кормила Ольгу сама, но во время обеда ее отсасывал сын кормилицы. Как писала Ксения Александровна: «Кормили-

да стояла рядом, очень довольная». Ей установили пожизненную пенсию в 132 руб. в год и произвели единовременную выплату в 835 руб. Всем последующим кормилицам устанавливались такие же пенсии, но размеры единовременных выплат были различными, кроме этого им доплачивались «прибавочные деньги»¹¹².

Сведений о кормилицах сохранилось немного. Например, Ксения Антоновна Воронцова, дочь крестьянина, стала кормилицей в 22 года и находилась на этом месте с 4 ноября 1895 г. по 8 августа 1896 г. После окончания службы ее мужа назначили продавцом в казенную винную лавку. В 1901 г. сам император Николай II становится крестником ее ребенка. Примечательно, что роды бывшей кормилицы проходили в петергофском Дворцовом госпитале¹¹³.

Говоря о крестниках императора, надо заметить, что существовала определенная процедура отбора младенцев. Сначала родители подавали просьбу на имя министра Императорского двора, ее докладывали царю, а уже затем он принимал участие в крестинах. Царь, по свидетельству мемуаристов, чрезвычайно редко отказывал, считая поощрение чадолюбия своим долгом.

Да он и сам был многодетным любящим отцом. При этом родители младенца могли рассчитывать и на определенные выгоды: подарок матери ребенка, воспитание и обучения ребенка за государственный счет, возможная служба по Мини-

стерству Императорского двора¹¹⁴.

Характерным примером традиционной связи царской семьи с первыми кормилицами была судьба Александры Негодовой-Крот. Поскольку крестьянка Каменец-Подольской губернии Винницкого уезда Александра Негодова-Крот кормила наследника только около трех месяцев, то ей определили неполную пенсию в 100 руб. в год. Кроме этого каждой из кормилиц по традиции собиралось весьма солидное «приданое». Для Негодовой-Крот приобрели вещи более чем на тысячу рублей: кровать, две подушки, сорок аршин полотна, серебряные часы, полотенца и совершенно необходимый в деревне зонтик. Всего на одежду и «приклад» для гардероба пяти кормилиц и их детей потратили только по одному из счетов почти две тысячи рублей¹¹⁵.

Все последующие годы Негодова-Крот регулярно обращалась к императрице с различными просьбами. Например, в 1905 г. она просит устроить своего мужа в дворцовую полицию. В 1908 г. по ее ходатайству Филиппу Негодову-Крот предоставили место сидельца в казенной винной лавке первого разряда в Петербурге в связи с болезнью ног. Для решения этого вопроса императрица через своего секретаря обращалась к министру финансов. Позже, учитывая Высочайшее покровительство этой семье, Министерство финансов закрывает глаза на крупную недостачу в 700 руб. в винной лавке в 1911 г. В 1913 г. дочь Негодовой-Крот поместили в Петровскую женскую гимназию, и плату за ее обучение,

100 руб. в год, императрица принимает на себя.

В октябре 1913 г. министр финансов направил императрице сообщение, в котором информировал ее, что муж кормилицы пропал без вести, похитив из кассы лавки 1213 руб. казенных денег. Он добавляет в конце документа, что не имеет в виду «возбуждать против Негодова-Крот уголовного преследования»¹¹⁶. Несмотря на этот скандал, уже в ноябре 1913 г. императрица удовлетворяет очередное прошение кормилицы цесаревича об определении ее детей, Марии 11 лет и Олега 9 лет, в приют принца Ольденбургского на полное содержание. Кроме этого, в нарушение всех правил и инструкций помогает в назначении неграмотной кормилицы на место продавца в винной лавке и вносит за нее залог в 900 руб. В феврале 1914 г. беглый муж возвращается к жене и тут же пишет письмо секретарю императрицы графу Ростовцеву, в котором просит прощения «за сделанный мною поступок... расстроенный и убитый горем совести», просит разрешения «занять должность помощника моей жены в казенной винной лавке». Как ни странно, но его просьбу удовлетворили. Из архивного дела, связанного с судьбой первой кормилицы цесаревича, складывается впечатление, что это семейство просто эксплуатировало жизненную удачу трех месяцев 1904 г.

В Интернете автор обнаружил упоминание о другой кормилице цесаревича – Дарье Ивановой. В 1904 г. она жила в поселке Елашки Маловишерского района. Ее выбрали из 18

молодых кормящих женщин. Предпочтение отдали ей из-за ее спокойного, доброго и приветливого характера и грудного молока, отвечающего необходимым требованиям. Умерла Д. Иванова, по воспоминаниям односельчан, уже после войны в 1947–1948 гг. Те несколько месяцев, которые она кормила цесаревича, так и остались для нее главным событием в жизни.

Няни и воспитательницы

Традиции последовательного элитарного воспитания в России сложились во второй половине XVIII в. Императрица Екатерина II фактически реализовывала свой материнский инстинкт, воспитывая старших внуков – Александра и Константина. Естественно, особое внимание уделялось воспитанию преемника. Исходя из своих взглядов на будущее, Екатерина II готовила себе в преемники не сына Павла Петровича, а старшего внука Александра. Поэтому именно царственная бабушка, а не родители определяли стратегию воспитания будущего Александра I.

Будучи прагматиком, Екатерина II составила так называемую «Бабушкину азбуку», проникнутую педагогическими идеями просветителей XVIII в. В наставлениях, данных воспитателю Александра графу И. Салтыкову при высочайшем рескрипте от 13 марта 1784 г., Екатерина II излагала свои мысли «касательно здравия и сохранения оногo; касательно продолжения и подкрепления умонаклонения к добру, касательно добродетели, учтивости и знания» и правила «приставникам касательно их поведения с воспитанниками». Наставления эти были построены на началах либерализма и проникнуты педагогическими идеями в духе знаменитого «Эмиля» Ж. – Ж. Руссо.

В соответствии с этими идеями Александра и Константи-

на не кутали, они спали на твердых волосяных матрасах, в детской комнате всегда было много света и свежего воздуха. Под окнами детской даже стреляли из пушки, чтобы приучить мальчиков к резким и громким звукам с детства. Великих князей категорически запрещалось перекармливать. Кормили мальчиков только в строго отведенные часы. Большое значение уделялось «трудовому воспитанию». В детстве Александр I красил, смешивал и растирал краски, рубил дрова, пахал, косил, вскапывал грядки, исполнял обязанности кучера и столярничал. Только столярное ремесло Александр изучал два года под руководством краснодеревщика Х. Мейера¹¹⁷. Следует подчеркнуть, что традиции «трудового воспитания», заложенные в XVIII в. в период взросления Александра I, воспроизводились вплоть до начала XX в. Несколько поколений царских детей работали в саду и знакомились с разными ремеслами¹¹⁸. Но до семи лет мальчики, рожденные в царской семье, находились в женских руках и до трех лет донашивали платья старших сестер.

Раннее детство Николая I

Младший брат Александра I, великий князь Николай Павлович, был третьим сыном императора Павла I. Он родился за несколько месяцев до смерти Екатерины II, поэтому стратегию его воспитания определяла уже мать – императрица

Мария Федоровна. Немаловажным было и то, что как третий сын в императорской семье Николай практически не имел надежд когда-либо занять императорский трон.

Возглавляла персонал, ухаживающий за младенцем, Шарлотта Карловна Ливен. На эту должность ее назначила Екатерина II. Николай I назвал ее в воспоминаниях «уважаемой и прекрасной» женщиной, «которая была всегда образцом неподкупной правдивости, справедливости и привязанности к своим обязанностям и которую мы страшно любили»¹¹⁹. Как руководитель персонала обслуживавшего великого князя, она получала жалованье в 1500 руб. в год. Пока Николаю не исполнилось 4 года, она полностью контролировала процесс взросления ребенка.

Шарлотте Ливен подчинялись две «полковницы» с жалованьем по 900 руб. в год. Фактически это были гувернантки, бедные вдовы офицеров, которых, по чину их мужей, называли «полковницами». Они неотлучно состояли при ребенке, давали отчет доктору о состоянии здоровья ребенка, приучали его молиться и пр., и пр.¹²⁰ Поскольку «полковницы» входили в «ближний круг» императорской семьи, то связь между ними и царственным воспитанником поддерживалась всю жизнь.

Первой из «полковниц» была Юлия¹²¹ Федоровна Адлерберг, утвержденная в должности Павлом I в 1797 г. Николай I упоминал, что «вскоре после кончины Императрицы Екатерины ко мне приставили в виде старшей госпожу Адлерберг»¹²². В должности «старшей» она оставалась вплоть до 1802 г., пока не перевели на должность директрисы привилегированного Смольного института. О начале карьеры Юлии Федоровны Адлерберг, урожденной Багговут (сестра генерала, погибшего в 1812 г.), вдовы Выборгского коменданта, один из современников писал: «Шарлотта Карловна Ливен определила Юлию Федоровну Адлерберг нянюшкой: сперва к великому князю Николаю Павловичу, а потом к великому князю Михаилу Павловичу. Юлия Федоровна усердно

мыла и обтирала этих двух индивидуумов, а между тем, будучи женщиной хитрой и ловкой и под личиной холодного добродушия весьма вкрадчивой, втерлась в доверие к императрице Марии Федоровне»¹²³. Таким образом, начав карьеру «полковницей» – гувернанткой при великом князе, Ю.Ф. Адлерберг впоследствии сумела занять весьма важный пост директрисы Смольного института. Но самое главное, ей удалось заложить прочный фундамент для придворной карьеры своих детей Владимира и Юлии, которые стали друзьями детства Николая I. Эту дружбу они пронесли через всю жизнь, и в своем духовном завещании Николай I счел необходимым упомянуть о них: «С моего детства два лица были мне друзьями и товарищами: дружба их ко мне никогда не изменялась. Г. – А. Адлерберга любил я как родного брата и надеюсь под конец жизни иметь в нем неизменного и правдивого друга. Сестра его, Юлия Федоровна Баранова, воспитала троих моих дочерей, как добрая и рачительная родная... В последний раз благодарю их за братскую любовь, Г. – А. Адлербергу оставляю часы, что всегда ношу с 1815 г.... а сыну его Александру – портрет Владимира Федоровича, что в Аничкове...»¹²⁴. Династия Адлербергов находилась непосредственно при Дворе с 1797 по 1881 г., то есть 84 года.

Второй «полковницей» была Екатерина Синицына, также получавшая 900 руб. в год. Несколько ниже по положению, но также примыкая к «полковницам», шла надворная советница Екатерина Панаева, получавшая 750 руб. в год. Долж-

ностные полномочия «полковниц» были различными. Ю.Ф. Адлерберг была, по сути, правой рукой Ш.К. Ливен, а задачи Е. Синицыной и Е. Панаевой сводились к ночным дежурствам при кроватке маленького Николая. Судя по воспоминаниям Николая I, ночные дежурства продолжались только в течение года, позже «полковницы» оставались лишь в течение дня – ночью же присутствовали лишь няньки с одной горничной¹²⁵.

Значительную роль в окружении Николая I играла няня – «англичанка» мисс Лайон. Как утверждают мемуаристы, на должность ее назначила Екатериной II. До 7 лет именно мисс Лайон была самым близким человеком для будущего Николая I. На уровне сознания и подсознания она дала ему многое. Николай Павлович впоследствии говорил, что ненависть к полякам он унаследовал именно от няни, та в 1794 г. провела у поляков в заключении 7 месяцев. О характере няни дает представление прозвище, данное ей Николаем I, – Няня-львица¹²⁶. Шотландка Лайон была дочерью «лепного мастера».

Впоследствии Николай I, описывая свою прислугу, упоминал еще о четырех безымянных горничных «для услуг»¹²⁷. Следовательно, по воспоминаниям императора, весь его «детский» штат состоял из 11 человек. Император почти не ошибается. В действительности штат лиц, отвечавших за обслуживание и взросление Николая I, составлял 12

человек¹²⁸. Это следует из денежных ведомостей. Правда, в другой части своих детских воспоминаний Николай Павлович расширяет круг своего обслуживающего персонала: «Образ нашей детской жизни был довольно схож с жизнью прочих детей, за исключением этикета, которому тогда придавали необычайную важность. С момента рождения каждого ребенка к нему приставляли английскую бонну, двух дам для ночного дежурства, четырех няnek или горничных, кормилицу, двух камердинеров, двух камер-лакеев, восемь лакеев и восемь истопников»¹²⁹.

Раннее детство императора прошло в покоях Зимнего дворца. Как вспоминал Николай Павлович: «Спали мы на железных кроватях, которые были окружены обычной занавеской; занавески эти, так же как и покрывки кроватей, были из белого канифаса и держались на железных треугольниках таким образом, чтобы ребенку, стоя в кровати, едва представлялось возможным из нее выглядывать; два громадных валика из белой тафты лежали по обоим концам кроватей. Два волосяных матраса, обтянутые холстом, и третий матрас, обтянутый кожей, составляли саму постель; две подушки набитые перьями; одеяло летом было из канифаса, а зимой ватное, из белой тафты. Полагался также белый бумажный ночной колпак, которого мы, однако, никогда не надевали, ненавидя его уже в те времена. Ночной костюм, кроме длинной рубашки, наподобие женской, состоял из платья с полудлинными рукавами, застегивавшегося на спине и до-

ходившего до шеи»¹³⁰.

В конце 1800 г. семья Павла I с маленькими детьми переехала в только что законченный и еще не просохший Михайловский замок. Во дворце спальня маленьких великих князей Николая и Михаила располагалась точно над спальней Павла I. В замке было настолько сыро, что это врезалось в память четырехлетнего Николая: «Помню, всюду было очень сыро и что на подоконники клали свежее испеченный хлеб, чтобы уменьшить сырость»¹³¹. Одновременно с переездом в Михайловский замок, по решению Павла I, главным воспитателем великих князей Николая и Михаила Павловичей назначается Матвей Иванович Ламсдорф, хотя учиться мальчики начали только в 1802 г. Граф Ламсдорф, суровый и строгий до жестокости, был разительной противоположностью Шарлотты Ливен.

При этом назначении Шарлотта Карловна Ливен не была ни обойдена, ни забыта. Еще в 1794 г. ее пожаловали в статс-дамы и наградили орденом Св. Екатерины I степени. Накануне отставки – 22 февраля 1799 г. Павел I возвел ее с потомством в графское достоинство. В день коронации императора Александра I, Ш.К. Ливен наградили драгоценными браслетами с портретами императорской четы, а в 1824 г. – портретом императора с цепью для ношения на шее. В коронацию императора Николая I графиню Ливен возвели с ее потомством в княжеское достоинство, а затем в декабре того же года получила титул светлости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.